

В ТЕНИ ГЕЛИОСА

РОМАН ГРОМОВ

Книга первая: Предел эффективности

Роман Громов

В тени Гелиоса

Серия «В тени Гелиоса», книга 1

<https://litres.ru/73211826>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максиму, попавшему под программу «Предел эффективности» в 50 лет, нечего терять: ни работы, ни надежды, ни даже права на старость в городе будущего Радиант-Сити. Его мир — это вечная ипотека, цифровое рабство.

Но когда зять Вадим, гениальный изгой-программист, предлагает опасную сделку, у Максима появляется выбор. Стать курьером для теневой сети, бросившей вызов всесильному «Гелиосу», — или тихо угаснуть, обрекая долгами дочь и нерождённых внуков. Их преследует не только «Гелиос», но и таинственная корпорация «Новый горизонт», скупающая «неугодных» для работ на краю изученного космоса. Цель героев — обрести достаточно силы и ресурсов, чтобы совершить невозможное: вырваться из-под контроля Земли и улететь к далёким колониальным мирам, где законы корпораций пока не всесильны. Но прежде чем мечта о звёздах станет реальностью, им предстоит пройти через предательство, погони и выбор, где цена

ошибки — не просто смерть, а вечное рабство в ледяной пустоши за пределами Солнечной системы.

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Глава 1: Зелёный свет	8
Глава 2: Сеть	33
Глава 3: Шёпот системы	54
Глава 4: Призраки	78
Глава 5: Тишина	96
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Роман Громов В тени Гелиоса

От автора

Перед вами — история в жанре научной фантастики, приправленная хорошей порцией социальной драмы. Моя задача — препарировать в лёгкой, удобоваримой форме ужасы, нелепости и язвы нашей современности, формации под названием капитализм. А затем, оттолкнувшись от этого, показать её логичный и чудовищный итог — ультраимпериализм будущего, лишённый даже намёка на прикрытие.

Это книга о мире, который может ждать наших детей, внуков и правнуков. О том самом «светлом будущем». Я попытался проследить вектор, по которому с огромной скоростью несётся сейчас человечество. Этот вектор был задан давно, и только от нашего выбора зависит, окажемся ли мы в окончательной антиутопии без шанса на побег — или найдём в себе силы изменить курс и свою судьбу.

Часть ответов я буду искать вместе с героями этой книги. Другую часть, уважаемый читатель, предстоит найти вам. Давайте начнём.

Предисловие

Предисловие

Земля, 2382 год. Мир изменился. Мы ещё видим на картах линии, обозначающие национальные государства, но всё это фикция, ширма, чтобы человечество не узнало, что его судьба, а порой и сама жизнь принадлежат одной межзвёздной мегакорпорации — «Гелиос-Индастриз». Её логотип — две буквы, слитые в стилизованное солнышко, — к этому моменту захватил весь земной шар и прочно сжал его в своих руках.

В разных странах мира — вернее, в том, во что они превратились — сохраняются формальные признаки независимости: скелеты гражданских прав и жалкие остатки самоуправления. Существуют даже местные корпоративные структуры, но уже больше ста лет никто из их владельцев не помышляет состязаться с гигантом, а тем более — догнать его. Разрыв в экономических показателях между локальными монополиями и «Гелиос-Индастриз» напоминает Марианскую впадину. Теоретики ХХI века не могли и представить таких величин, а теперь они стали реальностью — и естественным рычагом абсолютной власти.

Такое положение дел позволило «Гелиосу» подмять под себя правящие верхушки всех стран. Они либо доброволь-

но прислуживают лидеру, либо вынуждены идти к нему с протянутой рукой, ведь «Гелиос-Индастриз» монополизировал выпуск любой продукции — от шнурков до космических шаттлов.

Однако так было не всегда. Корпорация взлетела в тот день, когда её НИИ изобрели, разработали и запустили в серию первые варп-двигатели для межзвёздных перелётов. Эпохальное открытие состоялось 6 июня 2117 года. Вторым прорывом, позволившим строить корабли с новыми двигателями, стала специальная капсула для варп-прыжка. В каждую такую капсулу встраивалось кресло пилота или места для экипажа и пассажиров — без такой защиты человеческое тело не переносило прыжок. Наладив выпуск технологий, без которых уже не могла обойтись ни одна держава, «Гелиос» начал своё восхождение на олимп, и на этом пути не гнушался ничем: жёсткие патенты, промышленный шпионаж, уничтожение конкурентов. Но, как часто бывает, счастья, безопасности и светлого будущего это восхождение почти никому не принесло.

Глава 1: Зелёный свет

— Юленька, ты дома?

Гулко отдаваясь эхом в подъезде, пискнул сигнал голосового передатчика на панели справа от двери, записав моё сообщение. А мой голос сорвался на полуслове, когда пальцы нащупали в кармане холодный брусок дистанционного ключа. По привычке, уже почти рефлексу, я потянул его было наружу — и тут же спохватился, судорожно засовывая обратно. Но было поздно. Высокая матовая панель двери отозвалась мягким свечением, окрасив коридор в успокаивающий зелёный цвет.

Система узнала меня. Узнала по старому, никому не нужному ключу, в то время как вся современная молодёжь щеголяла имплантами. Я же всегда предпочитал делать всё по-старинке.

Подсветившись по контуру белым, дверь бесшумно исчезла в стене, а я шагнул в прихожую.

С кухни выглянула Юля.

— Пап, мой руки и за стол. Так и знала, что к двум вернёшься. С утра «Шефу» программу загрузила.

«Шеф». Аппарат, больше смахивающий на станок с ЧПУ, чем на кухонный прибор. Громоздкий, как двухкамерный холодильник, он умудрялся хранить продукты, готовить еду, мыть, сушить и подогревать тарелки. Верхний отсек — для

готовки, нижний — для мойки и хранения. Ассортимент блюд поражал, хотя самому устройству было уже лет двадцать пять. Помнится, его только-только запустили в массовое производство, когда Юле было пять. С тех пор сменилось бог знает сколько моделей, но последние — по цене маленького звездолёта. Нам такое и не снилось.

Промокшая куртка тяжело повисла на плечах. Я снял её вместе с ботинками и подошёл к встроенному в нишу шкафу из тёмного тонированного стекла. Лёгкое касание дисплея — и створки бесшумно разъехались. Куртка на вешалку, кроссовки — в нижний ящик. Дверца захлопнулась, а на маленьком экранчике справа загорелся красный кружок. Ещё одно касание — красный сменился зелёным, и изнутри донёсся нарастающий гул сушки.

Босиком, шлёпая мокрыми носками по глянцевому пластику пола, я прошёл коридор, плавно перетекающий в гостиную, и свернул в свою комнату. Нынешние планировщики считают общие санузелы пережитком прошлого. В моём детстве такие ещё встречались, сейчас — лишь в нищих кварталах, где строят одни «однушки». Но если можешь позволить себе две комнаты — личный санузел в каждой обязателен. Сменив промокшее на сухое, я направился на кухню.

Меня ждали двое: дочь и кулинарный автомат, прозванный «Шефом». Юля доедала салат, тщательно следя за фигурой перед соревнованиями по гимнастике. «Шеф» замер в центре белоснежной кухонной мебели, его хромированные

панели и матовый чёрный пластик сливались с интерьером. Я подошёл к дисплею, ткнул в привычные иконки. Аппарат откликнулся коротким писком и вывел на экран шкалу готовности. Из-под пластиковой панели донеслось тонкое шипение сервоприводов, затем — настойчивое жужжание измельчителей.

Через минуту на столешницу напротив меня бесшумно выехала исходящая паром тарелка с мясным рагу.

— Приятного аппетита, дочь, — уселся я за белый стол, утыканный разноцветными прорезиненными розетками.

— Спасибо, пап. Ну как, есть успехи?

— Да никаких, Юль. Ездил в наш старый район, думал, может, кто возьмёт хоть неофициально. Пара вариантов была, но как дело до документов доходит — всё. Боятся, черти. Проверка нагрянет — штрафы такие, что последние штаны снимай.

— Знаю, знаю. Но ты не отчаивайся. Обязательно что-нибудь найдём, раз уж ты так хочешь. Может, Вадим куда построит? Правда, ему сначала свой проект раскрутить надо. Так что не вешай нос. Живи у нас, ты нас не обременяешь. Пятьдесят два — не приговор. Раньше мужики и до восьмидесяти работали!

— То раньше, — мотнул я головой.

— Пап, это же государственная программа «Золотая осень». Забота о здоровье нации.

— Золотая осень? — я фыркнул. — Скорее, «Предел эф-

фективности». Цифра в паспорте превысила лимит — и ты мусор, подлежащий утилизации. Самая настоящая сегрегация. Социальный террор под соусом заботы.

Помолчал, ковыряя вилкой в тарелке.

— Ладно, мне ещё с вами повезло. А другие как выживают? Работать нельзя, цены заоблачные, растут каждый день. Целые гетто уже понастроили. А они дают пособие — на полгода безбедной жизни. И это взамен тридцати лет, что я на них горбатился.

После обеда дочь начала собираться на тренировку, а я вышел в гостиную и глянул в панорамное окно на город.

Красиво, чёрт возьми. Сороковой этаж как-никак.

Радиант-Сити. Современный, выстроенный в форме идеального круга город-крепость на костях старого мегаполиса, чьи окраины теперь — сплошное гетто. Мекка для бизнесменов и наследных рантье, финансовая столица новой Балтики.

В самом центре громоздятся корявые, хищные небоскрёбы совершенно невообразимых форм. Не меньше трёхсот этажей в каждом. От главных лучевых проспектов, словно жирные щупальца, отходят элитные кварталы. Цена за метр там такая, что на студию и за десять жизней не накопишь, занимаясь честным трудом. Хотя студий там и не строят. Даже «трёшек» не найдёшь — покупай биомодуль целиком, по цене океанского лайнера. Эйр-лофты, вроде бы так они называются. Там будет всё: личный биоинтерфейс, процедурные капсулы, виртуальные спортивные залы... Из дома вы-

ходить не потребуется в принципе. Вот только кто такое потянет? Вот и стоят эти стеклянные улы полупустыми, поражая воображение не столько удобствами, сколько космическими ценниками. Я где-то читал, что реальная загрузка таких кварталов — от силы десять-пятнадцать процентов.

Наша квартира — типа «кокон», для среднего класса. Однако и её сразу купить — задача нереальная при нынешних ценах. Так никто и не покупает. Берут в ипотеку. Вечную ипотеку. И это не речевой оборот, а юридический термин и неприглядная действительность. Закон всегда на стороне корпораций-застройщиков. Родители не успели выплатить — долг автоматом переходит на детей. Не успели дети — будут платить внуки. Прервать эту цепь можно только одним способом — выброситься с того самого сорокового этажа. Но тогда твой «кокон» моментально займёт очередной винтик системы, уже со своим вечным долгом. Вадиму эта недвижимость так и досталась в наследство от родителей, может, ему повезёт раскрутить свой амбициозный проект и у него получится расплатиться. Если нет, за всё будут расплачиваться мои внуки.

Мне вдруг представилось на миг несуществующее личико. Ещё не рождённое. И на эту нежную кожу, на эти розовые щёчки уже лёгла холодная тень от небоскрёбов Радианта, будто клеймо, цифровой ярлык долга.

Я отвернулся от окна. Красота Радианта была чужой и лживой, как глянцева картинка в рекламном буклете «Ге-

лиоса». Красота, которая давила.

Знакомая мелодия прозвучала из прихожей ровно в шесть, разрезая вечернюю тишину предсказуемыми клавишными аккордами. Искусственный интеллект узнал хозяина квартиры, считав имплант в запястье, и проиграл соответствующую композицию. Я даже не вздрогнул. Только Вадим был настолько пунктуален, что по нему можно было сверять хронометры, даже если все сетевые часы мира вдруг сбились.

— Входи, — бросил я, не поднимаясь с кресла. Панель замигала зелёным, и в прихожую вплыл Вадим. Не вошёл, а именно вплыл — стремительной, лёгкой походкой человека, который экономит каждую секунду, потому что его время стоит денег. Денег, которых у него пока не было.

— Здравствуйте, Максим Александрович, — кивнул он, снимая стильное, но явно не новое пальто из умной ткани. Оно тут же сложилось в компактный прямоугольник в его руках. — Юля дома?

— На тренировке. Садись.

Вадим предпочитал стоять. Он замер у края ковра, его пальцы нервно перебирали невидимые клавиши по шву брюк. В тридцать два мой зять выглядел на удивление свежо, несмотря на постоянные переработки, нервотрёпку и недосып. Судя по его рассказам, он был единственным из его коллег, кто прекрасно обходился без услуг современных биопротезистов — тонкий чувственный нос, волевые скулы и чуть затуманенные усталостью голубые глаза. Но в самих

глазах горел тот самый огонь, которого у меня не было уже лет десять. Огонь амбиций, за которыми гонишься, пока не разобьёшься.

— Я к вам с новостями, — начал он без предисловий. — Мой проект... он вышел на финальную стадию. Альфа-тест пройден. Осталось найти первого инвестора или... или продать прототип.

— «Гелиосу»? — угадал я, и в горле запершило от знакомой горечи.

Он кивнул, сжав губы.

— Они вышли на меня. Через три уровня посредников, конечно. Предлагают сумму. Сумму, которой хватит, чтобы закрыть ипотеку, купить Юле место в сборной и... обеспечить вас с ней лет на пять вперёд.

Он сделал паузу, давая цифрам осесть в воздухе. Цифрам, которые пахли не свободой, а другой, более изощрённой клеткой.

— Но? — спросил я, уже зная ответ.

— Но они покупают не технологию. Они покупают меня. Пожизненный контракт в их технограде с чёрным ящиком неразглашения. Все патенты, все дальнейшие разработки — их. Я становлюсь винтиком. Ещё одним. — Он провёл рукой по лицу, и в этом жесте была такая усталость, что мне стало почти его жаль. Почти. — А проект... проект умрёт. Они его похоронят в самых глубоких архивах, потому что он нарушает их монополию на распределение данных.

Я медленно поднялся с кресла и подошёл к окну. Внизу, в чаше Радианта, уже зажигались огни — холодные, безжизненные пунктиры, отмечающие маршруты патрульных дрон и транзакции состоятельных призраков, живущих в эйр-лофтах.

— И в чём суть твоего проекта, Вадим? Если не секрет, за который тебя уже могут посадить.

Он помедлил секунду, будто проверяя, не ведётся ли пролушка. Потом сказал тихо, отчеканивая каждое слово:

— Децентрализованная торговая сеть. На блокчейне старого образца, довоенного. Полная анонимность. Прямые сделки между пользователями, без посредников, без комиссий «Гелиоса», без их слежки. Обмен ресурсами, информацией, услугами. Теневая экономика, которая не контролируется корпорацией.

Я присвистнул. Тихо, сквозь зубы.

— Ты построил чёрный рынок.

— Я построил рынок, — поправил он, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — Рынок, который принадлежит людям, а не «Гелиосу». Семена, медикаменты, запчасти, данные — всё, что они монополизировали и взвинтили в цене. Там можно будет купить хлеб, не отдав за него ползарплаты. И найти работу... без проверки возраста.

Последнюю фразу он сказал, глядя прямо на меня. И я понял, с чем он на самом деле пришёл. Это была не просьба о совете. Это был расчёт.

— Тебе нужен кто-то вне системы, — сказал я, и мои собственные слова прозвучали чужим, спокойным голосом. — Кого не жалко. Кого уже списали. Чтобы встречаться с людьми из гетто, принимать грузы, быть на виду. Пока ты, гениальный создатель, остаёшься в тени.

Вадим не стал отрицать.

— Вам нечего терять, Максим Александрович. А у Юли... у Юли будет шанс. Настоящий шанс, а не подачка от системы. Если проект выстрелит, мы втроём сможем уехать. На колониальные миры. Там законы «Гелиоса» пока не так сильны.

Он говорил о звёздах, а я смотрел на тень от небоскрёба, лежащую на улицах, как гигантская решётка. «Нечего терять». Он был прав. У меня не было даже той призрачной стабильности, которую давала вечная ипотека. У меня была только горечь и сороковой этаж, с которого можно было шагнуть вниз.

Но шагнуть можно было и в другую сторону.

— Что нужно сделать? — спросил я, всё ещё глядя в окно.

— Для начала — встретиться с человеком. В старом районе. Он поставляет... оборудование. Старое, аналоговое, не подключённое к сетям «Гелиоса». Без него система не запустится. Но встреча опасная. Если это провокация...

— Если это провокация, «Гелиос» тебя возьмёт в оборот, а меня отправят в тюрьму или куда похуже, — закончил я за него. — Слышал про «Новый горизонт»? Говорят, выкупают

преступников с земли и увозят на границы изученного космоса, работать в самых суровых условиях?

— Слышал что-то, но пока только слухи, — опустив глаза, продолжил Вадим. — Я понимаю. Дело опасное, мы с коллегами готовили эту встречу долгое время. И теперь, с нашими наработками такая возможность представилась. Только представьте, скольким людям мы сможем помочь, если всё получится! Я не давлю, подумайте и спокойно примите решение. Мне сейчас пора бежать, если согласитесь, отправьте мне ваш идентификационный номер. Я всё пойму.

— Когда нужно ехать?

— Завтра. В девятнадцать ноль-ноль.

— Да что тут собственно думать? Если есть возможность помочь людям, я готов без промедления!

— Спасибо вам, — тепло поблагодарил меня зять, положив руку на плечо. — Адрес я сброшу вам в личный мессенджер, через одноразовую сеть.

Я наконец оторвался от окна и повернулся к нему. Вадим смотрел на меня как на последнюю возможность сохранить свой проект. И в этой честности было больше уважения, чем во всех его церемонных «Максим Александрович».

— Конечно, — сказал я. — Сбрасывай, а я пока обдумываю варианты, как лучше будет обделать дело с меньшим риском.

Он кивнул, накинул своё умное пальто и, развернувшись, так же стремительно, как появился, исчез в прихожей. Через секунду дверь мягко щёлкнула.

Я остался один в гостиной, где красота за окном давила, а в ушах звенела тишина. Через пятнадцать минут я отошёл от окна и сел на диван. В кармане брюк снова проступил сквозь ткань холодный брусок ключа. Старый, никому не нужный. Ключ от двери, которую система уже открыла без него.

Но, возможно, этим ключом можно было попробовать открыть что-то другое. Что-то, на что «Гелиос» не предусмотрел замка.

Я потянулся к коммуникатору. Экран вспыхнул, показав одно сообщение от неизвестного senderID. Координаты и время. И одна фраза:

«Спросите про зелёный свет. Они поймут.»

Улицы старых районов не напоминали затянутые чёрным пластикобетоном артерии Радианта. Это были рубцы: треснувшие бетонные панели покрытия, залатанный вручную битым кирпичом, лужи неиссякающей грязи, пахнущей ржавчиной, затхлой водой и отчаянием. Воздух здесь был густым, тяжёлым, лишённым стерильной свежести циркулирующих через фильтры потоков. Я шёл, зажав в кармане тот самый холодный брусок ключа. Не знаю зачем — оберег, последняя связь с условной нормальностью.

Адрес, сброшенный Вадимом, привёл меня к бывшему цеху какого-то завода. Здание, похожее на гигантскую бетонную гробницу, с выбитыми окнами и граффити, изображавшими карикатуры на логотип «Гелиоса» — солнце с хищными, будто стилеты острыми лучами. Вход представлял собой

дыру в стене, прикрытую куском профнастила. Сумрак внутри был почти физическим, разрезаемым лишь узкими лучами света, пробивавшимися сквозь щиты на верхних этажах.

— Стой. Кого принесло? — из темноты отделилась тень. Невысокий, коренастый мужчина в дешёвой куртке из латекса. В его руке не было видно оружия, но поза говорила о готовности к удару.

Я заставил себя не отпрянуть.

— Меня прислали. Спросить про зелёный свет, — мои собственные слова прозвучали неестественно громко в гулкой пустоте цеха.

Тень замерла, затем негромко рассмеялась — сухим, скрипучим смехом.

— Зелёный свет... Давно не слышал. Старая примета. Говорят, раньше, до «Гелиоса», такие огни на перекрёстках стояли. Разрешали движение. — Он сделал шаг вперёд, и в полоске света я разглядел лицо — измождённое, с умными, усталыми глазами и сетью морщин, похожей на карту бывлых катастроф. — Значит, ты и есть наш новый «курьер»? Тот, кто ничего не боится, потому что терять нечего?

— Меня зовут Максим, — сказал я, опуская намёк. — А вы?

— Зови меня Умбра, — отозвался мужчина. — Можешь звать Умбр. Не удивляйся, здесь все живут под кличками, не то что у вас чистюль. Имена — для системы, для паспортов и могил. Ну что, Максим-ничего-не-боящийся, пойдём. Твой

«свет» в самом низу.

Он развернулся и зашагал вглубь цеха, не проверяя, иду ли я за ним. Это был либо тест, либо знак доверия. Я последовал, спотыкаясь о хлам в полумраке. Мы спустились по шаткой лестнице в подвал. Там, в свете тусклых светодиодных лент, царил другой мир.

Это была мастерская. Вернее, лазарет для древней техники. На столах, заваленных инструментами, лежали разобранные серверные стойки начала века, платы с огромными, по нынешним меркам, чипами, блоки питания с ручной пайкой. В воздухе витал запах канифоли, олова и старого пластика. У дальней стены, прислонившись к шкафу с приборами, стояла девушка лет двадцати пяти. Стрижка под ноль, умные, быстрые глаза, следы машинного масла на худых предплечьях. Она смотрела на меня с холодным любопытством хищной птицы.

— Умбра, это он? — её голос был низким и ровным.

— Он самый. Про зелёный свет спросил.

Девушка кивнула и поманила меня пальцем.

— Подойди. Покажу, зачем тебя позвали.

На столе перед ней лежало устройство, похожее на утолщённый планшет, но с десятком физических портов по бокам и массивным, кустарным радиатором.

— Это коммутатор, — сказала она, не отрывая взгляда от пайки. — Мозг локальной ячейки сети. Не имеет уникального ID, не пингует сервера «Гелиоса». Работает на изолиро-

ванных частотах, которые они давно вывели из оборота как «мусорные». Связь — точка-точка, через такие же коробки. Чтобы поднять сеть в одном районе, нужно три штуки. У нас есть две. Третью должен был привезти курьер неделю назад. Его взяли на выезде из Технограда.

Она отложила паяльник и наконец посмотрела на меня.

— Его «выкупил» «Новый горизонт». Официально — за контрабанду. Теперь он где-то на краю Пояса астероидов долбит породу. Если повезло, и не взорвался на старте от перегрузок. — В её голосе не было ни страха, ни злости. Только констатация факта, чудовищного в своей обыденности. — Поэтому нужен ты. Нелегальный, без импланта, без цифрового следа. Старая школа. Можешь взять коробку, пройти пешком через три района и отдать её на складе у реки. Маршрут знаешь?

Я посмотрел на устройство. Оно весило, наверное, килограммов пять. Обычная коробка. Кусок пластика и металла, который стоил человеку свободы, а может, и жизни.

— Знаю, — соврал я. — Вадим сбросил схему.

— «Вадим»... — Мужик хмыкнул где-то за спиной. — Пусть остаётся в тени, умник. Его голова нам ещё нужна. А ноги... ноги сейчас — твои.

Девушка — её звали Кай, как я позже узнал — протянула мне потрёпанный рюкзак.

— Здесь. Еда, вода, пачка старых кредиток на случай проверки (они давно не в ходу, но могут отсрочить вопросы). И

коробка. Не включай её. Не подноси к сканерам ближе чем на пятьдесят метров. И главное... — она пристально посмотрела мне в глаза, — если поймут, что ты везешь — не сдавай Умбру. Скажи, что нашёл на свалке. Хотел сдать как металлолом. Шанс, что поверят, один из ста. Но это лучше, чем ничего.

Я взвалил рюкзак на плечо. Тяжесть оказалась не только физической. Это был груз новой ответственности. Не за квартиру, не за семью — за идею. За чью-то чужую надежду.

— Как узнаю тех, кому передать? — спросил я.

— Спросишь про зелёный свет, — ухмыльнулся Умбра плюнув себе под ноги. — И посмотри им в глаза. У тех, кто против «Гелиоса», взгляд особый. Пустой и горящий одновременно. Как у тебя сейчас.

Я вышел из подвала на убогие улицы, уже погружающиеся в вечерние сумерки. Рюкзак давил на лопатку. В кармане по-прежнему лежал холодный ключ. Но теперь я понимал, что он отпирал не дверь в прошлое. Он был ключом от нового, страшного и единственно возможного настоящего.

Впереди было шесть километров пешком через враждебный город. Первый тест. Первый угол моего нового падения — или взлёта. Я сделал шаг вперёд, нащупывая брусок в кармане. Он всё так же был холоден. Но внутри меня что-то, давно уснувшее, медленно и неуверенно начинало зеленеть слабым, упрямым светом.

Свет центральных кварталов остался позади, сменившись

на первых порах обычным, но давно не ремонтированным асфальтом. Потом и он закончился. Дальше начиналась «мёртвая зона» — полоса в несколько кварталов, отделявшая опрятные, пусть и обветшавшие жилые массивы прошлого века от сплошного гетто. Здесь не было ни патрулей «Гелиоса», ни уличного освещения, ни даже следов муниципальной уборки. Власть корпорации здесь была призракной, но присутствовала в виде далёкого гудящего рейда патрульного вертолёта-беспилотника, скользившего по границе, как акула у рифа.

Я шёл, стараясь ступать как можно тише, но каждый шаг отдавался в тишине гулким эхом. Тяжесть рюкзака за спиной превращалась в навязчивый, пульсирующий ритм, бивший в такт сердцу. Пять килограммов, пять лет тюрьмы. Пять килограммов, «Новый горизонт». Мысли метались, цепляясь за каждую тень, за каждый хруст под ногой.

Спрятаться здесь было некуда. По бокам тянулись фасады мёртвых зданий — бывших магазинов, офисов, кафе. Витрины выбиты, двери сорваны, из чёрных глазниц окон на меня смотрела пустота. Воздух пах пылью, затхлостью и чем-то кислым, сладковатым — запахом медленного распада.

Именно здесь я их и увидел.

Сначала я услышал голоса — приглушённые, молодые. Потом разглядел троих. Они сидели на корточках у развороченного фонтана, деля что-то из жестяной банки. Лохмотья, грязные лица, пустые глаза. Бездомные подростки, которых

система выплюнула ещё до того, как они успели в неё встроиться. Дети гетто, выбравшиеся на «ничейную землю» в поисках хоть чего-то.

Один из них, самый высокий, заметил меня и медленно поднялся. В его руке блеснуло лезвие — не нож, а обломок чего-то, замотанный в тряпку.

— Эй, дед! — его голос сорвался на визгливой ноте. — Что везешь-то? Поделись с молодёжью!

Двое других тоже встали, образовав полукруг. Адреналин ударил в виски, но вместе с ним пришло неожиданное, леденящее спокойствие. Страх был, но он ушёл куда-то глубоко, уступив место холодной, почти посторонней наблюдательности. Именно так, Максим. Теперь ты не просто жертва системы. Ты — цель. Курьер с грузом.

— У меня ничего нет, — сказал я ровно, не останавливаясь. — Ищите себе других дедов.

— А рюкзак-то зачем? — высокий сделал шаг навстречу. Он был тощ и нервен, как голодный щенок, но в его глазах горела та самая, знакомая уже ярость — ярость того, кому нечего терять. — Отдай рюкзак, и пройдёшь!

Я остановился. До них было метров десять. Умбр говорил про сканеры «Гелиоса», но не говорил про голодных пацанов с обломками.

— Здесь, — сказал я, медленно опуская рюкзак на землю, но не отпуская лямок, — только старый хлам. Железо. Вы его не продадите.

— Мы не продадим — мы сдадим, — усмехнулся второй, пониже. — За кредиты на еду. Давай, старик, не тяни.

Мой взгляд скользнул по их лицам. Не бандиты. Отчаявшиеся дети. И в этом была смертельная опасность — они могли убить не из злобы, а из простого, животного отчаяния. Из-за пяти килограммов железа, которое должно было помочь сотням.

И тут в тишину врезался новый звук. Низкий, нарастающий гул. Знакомый гул. Я поднял глаза. Над линией крыш, со стороны Радианта, плыл патрульный дрон. Не вертолёт, а небольшой квадрокоптер с камерой и сканером. Он не спеша обследовал периметр, его красный глазок-сенсор медленно поворачивался из стороны в сторону.

Пацаны его тоже слышали. Их внимание на мгновение дрогнуло, переключилось на небо. Страх перед системой оказался сильнее голода.

— Чёрт... — прошипел высокий, отступая назад в тень арки. — Это же сканер...

— Отойдём! — дернул его за руку второй.

Они растворились в темноте разбитого здания так же быстро, как появились, оставив после себя лишь шелест гравия под ногами и банку, покотившуюся по мостовой.

Я стоял, не двигаясь, прижимаясь спиной к холодной стене. Дрон плыл ближе. Его красный глаз замер, нацелившись прямо на мой перекрёсток. Сейчас он проведёт сканирование. Тепловую подпись он увидит точно. А если его софт на-

строен на распознавание объектов... Рюкзак мог попасть в категорию «подозрительный груз».

Сердце застучало в висках, заглушая гул двигателей. Кай говорила: «Не подноси к сканерам ближе чем на пятьдесят метров». Дрон был в ста метрах и приближался.

Ключ. Мысль ударила, как ток. Холодный брусок в кармане. Беспольный кусок металла.

Или нет?

Я рванулсь вперёд, не к укрытию, а к центру перекрёстка, прямо под старую, мёртвую светофорную колонну. Вырвал ключ из кармана и изо всех сил швырнул его в сторону, откуда пришли пацаны. Металл с глухим звоном ударился о гранитный бордюр и отскочил в канализационный сток.

В тот же миг дрон резко сменил траекторию. Его сенсор дернулся, нацелился на место падения ключа. Процессор, вероятно, зафиксировал движение, металлический объект, падение. Стандартный протокол: проверить аномалию.

Медленно, стараясь не делать резких движений, я поднял рюкзак и, пригнувшись, заскользил вдоль стены в противоположную от ключа сторону. Дрон, зависнув над стоком, начал снижаться, освещая лучом прожектора решётку.

Я уже был в следующем переулке, когда услышал, как его двигатели снова набирают обороты для продолжения патрулирования. Он не пошёл за мной.

Прислонившись к стене, я закрыл глаза и сделал несколько глубоких, прерывистых вдохов. В горле стоял ком. В кар-

мане было пусто. Глупый, старый ключ, символ прошлой жизни, выполнил свою последнюю миссию — отвлёк внимание системы. Теперь у меня не было даже этого.

Но был рюкзак. И шесть километров, из которых я прошёл только два.

Я выпрямился, взвалил груз на плечо и снова зашагал вперёд, в сторону реки и склада, где меня ждали незнакомые люди и пароль «зелёный свет».

Последние два километра были не ходьбой, а мукой. Каждый шаг отдавался ноющей болью в пояснице, натёртые лямками рюкзака плечи, будто жгли огнём. Гетто здесь сменялось промзоной — бесконечными рядами заброшенных ангаров, заросшими бурьяном железнодорожными путями, ржавыми остовами цистерн. Воздух пропитался запахом окислов и стоячей воды. Я шёл по краю дороги, укатанной грузовиками много лет назад, и пытался не думать о том, что Вадим мог ошибиться. Что адрес — ловушка. Что я несу этот чёртов коммутатор прямо в руки корпоративной безопасности.

Но отступать было поздно. Ключ я выбросил. Возвращаться в Радиант с этим грузом было равносильно самоубийству.

Река открылась внезапно — грязно-серая лента воды под низким свинцовым небом. По её берегам ютились полуразрушенные причалы, проржавевшие краны, затонувшие баржи. Склад, указанный в координатах, оказался самым неприметным из ангаров: длинное одноэтажное здание из пори-

стого шлакоблока, с облупившейся краской и провалившейся в нескольких местах крыши.

У входа никого не было. Только ветер гулял меж ржавых балок, издавая тонкий, скорбный вой. Я остановился, переводя дыхание. Сердце колотилось где-то в горле. «Спросите про зелёный свет. Они поймут».

— Есть тут кто? — мой голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Ответом была тишина. Потом скрипнула ржавая петля, и из тени за углом появился человек. Невысокий, сутулый, в рабочей робе, заляпанной чем-то тёмным. В руках он держал не оружие, а увесистый гаечный ключ.

— Кого чёрт принёс? — спросил он, не приближаясь. Голос у него был глухой, сиплый от многолетней работы в пыли.

— Меня прислали, — сказал я, снимая рюкзак. Каждое движение давалось с трудом. — Спросить про зелёный свет.

Человек замер. Потом медленно опустил ключ.

— Зелёный свет, говоришь? — он покачал головой, и в его потёртом, обветренном лице что-то дрогнуло — не улыбка, а скорее снятие маски вечной настороженности. — Ладно. Заходи светлячок.

Он откинул тяжёлую створку двери, и я шагнул внутрь.

Ангар изнутри оказался не складом, а мастерской — точнее, храмом старой механики. Под высоким, закопчённым потолком стояли токарные и фрезерные станки довоенного

образца, гудели самодельные генераторы, пахло смазкой, металлической стружкой и дымом. В центре, под люминесцентной лампой, двое мужчин разбирали какой-то агрегат, похожий на насос. Они подняли глаза заметив наши тени на полу.

— Свои, — коротко бросил привратник. — Про зелёный свет спросил.

Один из механиков, широкий в плечах, с руками, покрытыми татуировками старых шрамов и машинного масла, вытер ладони о ветошь и подошёл.

— Значит, ты и есть замена Генке? — спросил он, оглядывая меня с ног до головы. Взгляд был оценивающим, но без враждебности. Профессиональным. — Говорят, его «Новый горизонт» забрал.

— Так и мне сказали, — кивнул я, ставя рюкзак на верстак, заваленный железом. — Я должен передать груз.

— Покажи.

Я расстегнул молнию и вытащил коммутатор. Чёрная коробка с кустарным радиатором выглядела тут, среди этого царства металла и масла, почти родной. Механик взял её, повертел в руках, потом поднёс к свету, щурясь на пайку.

— Кай работала, — констатировал он. — Чисто. Молодец. — Он отложил устройство в сторону и снова уставился на меня. — А ты кто такой, если не секрет? Не похож ты на нашего брата. Не из гетто.

— Я из Радианта, — признался я. Скрывать было бессмысленно. — Меня... попросили помочь.

— Из Радианта, — механик протянул слова, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на насмешку, но лишённое злобы. — «Кокон», «вечная ипотека», «предел эффективности». Попал под раздачу, да?

— Попал.

— Ну, что ж, тогда добро пожаловать в реальный мир, короче, — он хлопнул меня по плечу, и от этого жеста, грубого и простого, внутри что-то ёкнуло. Это не было жалостью. Это было признание. Принятие в круг. — Я — Борода. Не удивляйся, все тут по кличкам. А это — Шпилька, — он кивнул на второго механика, тощего, в очках с толстыми линзами. — Он у нас мозги. А там, у входа, — Хаунд. Он и сторож, и чутьё у него, как у пса. Если привёл — значит, чистый.

Я кивнул, пытаюсь осмыслить эту новую, грубую простоту. Никаких церемоний, никаких «Максим Александрович». Просто Борода, Шпилька, Хаунд. И я, видимо, теперь — Курьер.

— Что с этим делать? — я указал на коммутатор.

— С этим? — Борода усмехнулся. — Это, браток, кусочек свободы. Когда их три штуки свяжем в сеть — в этом районе не можно будет общаться, торговать, договариваться. Мимо касс «Гелиоса». Мимо их ушей. — Он погладил коробку, как живую. — Завтра Шпилька его настроит, подключит. А послезавтра уже первый пакет данных погоним. Про лекарства. В гетто у детей дизентерия, антибиотиков нет, а у «Гелиоса» они — по цене крыла от звездолёта.

Он говорил о практических вещах. О болезнях, о деньгах, о данных. Не о великой революции, а о том, чтобы дети не умерли от поноса. И в этой приземлённости было больше правды и силы, чем во всех пафосных речах.

— А что мне делать? — спросил я.

— Тебе? — Борода прищурился. — Отдохни. Первый раз — самое страшное. Потом... потом посмотрим. У нас работа всегда есть. Принести, отнести, передать слово. Ноги, понимаешь? Нам ноги всегда нужны, мозги и руки у самих есть. А ноги — всегда в дефиците. Особенно такие... незаметные.

Он имел в виду «старые». Не отмеченные системой.

Хаунд принёс мне кружку какого-то горького, обжигающего чая. Я сидел на ящике из-под инструментов, смотрел, как Шпилька, не обращая на меня внимания, уже копошится с платами, и слушал размеренный гул генератора. Усталость накрывала волной, но это была иная усталость — не от безнадёжности, а от сделанного дела. От преодоления.

Здесь, в этом прокопчённом ангаре на краю гнилой реки, среди людей с кличками, я чувствовал себя не бесполезным хламом, а... инструментом. Пусть простым, пусть расходным. Но нужным.

Я допил чай, поставил кружку на верстак.

— Я пойду, — сказал я. — Сообщите Вадиму... что груз доставлен.

— Сообщим, — кивнул Борода, не отрываясь от насоса. — И слушай, Курьер... Завтра, если что, знаешь дорогу.

Дверь всегда открыта. Для своих.

Я вышел на холодный воздух. Ночь уже полностью вступила в свои права, но городская мгла не позволяла разглядеть звёзд. Только далёкое зарево Радианта горело на горизонте, как фальшивое, чужое солнце.

Глава 2: Сеть

Обратный путь я проделал на автобусе — ветхом, тряском, но легальном. Никто не остановил, не спросил. Я был просто усталым мужчиной в потрёпанной куртке. Невидимка. На границе Радианта я пересел в транспортный модуль «Гелиос-Транзит». Моё социальное рейтинговое число позволяло бронировать класс «Стандарт» — персональную ячейку. Для тех, кто из гетто, есть только общие вагоны с жёсткими скамьями и сканерами на каждом шагу. Прозрачный купол моей ячейки герметично закрылся, отсекая уличный смрад. Репульсоры выровняли капсулу, и она бесшумно понеслась по выделенной эстакаде. Внизу, у самого бетонного кольца стены, отделявшей Радиант от гетто, толпились люди. Они выходили из старых, коптящих выхлопом автобусов, которым был закрыт въезд в город, и проходили пешком через долгий контроль на КПП. Сорокаметровая стена и пропускной терминал — вот их «станция пересадки». Одни шли на низкоквалифицированные смены, другие — обратно, в свои кварталы. Я смотрел на них сверху, из стерильной тишины своей капсулы, уносимой в сердце города. Я заплатил за уединение не деньгами, а годами лояльности системе, которую теперь предавал.

Войдя в свою квартиру, я сразу почувствовал контраст. Давящая тишина. Стерильный воздух. Лживая красота за

окном. Всё было так же, как и днём.

Но я был уже другим.

Подошёл к окну, глядя на свой отражённый в тёмном стекле силуэт. В кармане было пусто. Ключ остался там, в мёртвой зоне, выполнив последнюю задачу.

Но теперь у меня был адрес. Был пароль. Были люди, которые сказали «для своих».

Я повернулся от окна. Завтра снова нужно будет искать работу. Ходить по собеседованиям. Изображать благонадежного пенсионера. Играть по правилам системы.

Но теперь это была всего лишь маскировка. Шум для прикрытия. Настоящая работа, тихая и опасная, ждала в другом месте. У причала с названием «Зелёный свет».

Впервые за два года я лёг спать, чувствуя не горечь, а странное, тяжёлое спокойствие. Я нашёл то, чего не было у системы. Не надежду. Трещину. И в неё уже начал просачиваться тот самый, слабый, упрямый свет.

Утро встретило меня недобро, затянутое тёмными тучами небо, нависало над городом, будто хмурясь на меня за то, что я вчера сделал. Если бы я верил в высшие силы, то мог бы подумать - боги гnevаются. Но не смотря на современные неохристианские проповеди, которые каждый день ведутся, на всевозможных цифровых площадках. Пытаясь запудрить людям голову, я оставался ярым атеистом, предпочитая пользоваться для осмысления мира, не замыслом провидения высших сил, а древним материалистическим под-

ходом. Такой подход, при достаточно хорошем владении его основами, гораздо лучше объясняет суть вещей и даёт полноценные ответы на все возникающие по ходу жизни вопросы.

Проснувшись окончательно, я сел на кровати. Система отреагировала штатно: тёмный пластик панорамного стекла начал светлеть, и через несколько секунд совсем растворился, представив моему взору нависшие над городом тяжёлые дождевые тучи.

На горизонте, светясь ровными синими точками, шли на посадку серебристые космические челноки. Снабженцы. Они сновали между Землёй и трюмами орбитальных гигантов — тех самых ковчегов, что были видны в ясные ночи как тусклые звёзды. Самые большие из них тянулись на пятнадцать километров, будто целые города. А эти малыши, расквартированные на их бесконечных палубах, таскали наверх всё необходимое: от сплавов для брони до семян для гидропоник.

Им, в отличие от их матерей, это было позволено. По Конвенции, входить в атмосферу разрешалось судам массой не больше четырёх энигм — тех самых четырёх энигм, что у землян равнялись сорока восьми тысячам тонн. Ковчеги же весили в десятки раз больше, да и их двигатели наносили бы планете непоправимый вред. Решение приняли ещё на Втором заседании Совета, раз и навсегда запретив в плотных слоях атмосферы любые силовые установки, кроме магни-

тогидродинамических. Установка таких ускорителей — удовольствие космической цены, не по карману большинству владельцев судов.

Поэтому эти малыши и шли на посадку тихо — без рёва и огня, лишь с приглушённым гулом и холодным сиянием плазмы, разрезая свинцовое небо, словно бледные, молчаливые призраки.

Я оторвался от созерцания панорамы города, прислушиваясь к буханью барабанов за дверью. Это наверняка Юлька: завтракая и собираясь на тренировку, она велела нейроинтерфейсу квартиры сгенерировать под её текущее настроение новую композицию. Опять что-то бодро-агрессивное.

Принял прохладный душ, переделся в чистое и направился к двери. Та, почувяв моё приближение, бесшумно уехала влево, открывая обзор на просторную гостиную.

Ритм, который я слышал, оказался не просто бодрым — это была настоящая звуковая атака на органы чувств. Казалось, сама мебель вибрировала в такт жёсткой дробы электронных барабанов, на которую накладывались искажённые семплы криков чаек. Юля, стоя спиной ко мне у панорамного окна, ритмично подёргивала плечами, доедая последний кусок протеинового батончика. На ней была облегающая чёрная тренировочная форма с неоновыми зелёными полосами по бокам, а волосы, собранные в тугой «конский хвост», метались из стороны в сторону в такт её движений. В воздухе витал терпкий запах имбирного смузи и спортив-

ного геля.

— Пап, доброе! — крикнула она, не оборачиваясь, её голос пробился сквозь какофонию. — «Шеф» тебя покормил?

— Доброе, — ответил я, заглядывая в кухню. Да, покормил, — отозвался я, подходя к Шефу, где слева от него, на столешнице одиноко стояла моя тарелка-самонагрев. Я ткнул в кнопку, и крышка с тихим шипением отъехала, выпуская пар от омлета. Музыка резко сменилась — агрессивный техно-бит сменился плавной, почти медитативной инструментальной композицией с переливами арфы. Видимо, система засекла мой повышенный уровень кортизола и решила «убавить пыл». Такие вот заботливые тюремщики.

— Спасибо, что не стал выключать, — сказала Юля, наконец повернувшись. Её лицо было слегка покрасневшимся, глаза горели предвкушением нагрузки. — Мне нужно было войти в ритм. Сегодня сложная акробатика на бревне.

— Удачи, — сказал я, садясь на высокий барный стул. — А Вадим... Он с ночи не появлялся?

Тень промелькнула в её глазах, быстрая, как облако на её идеальном небосклоне. Но голос остался лёгким.

— Нет. Пишет, что на финальных тестах проекта. Говорит, этот уикенд, наверное, тоже будет ночевать в лабе. — Она подошла к шкафу, вытащила спортивную сумку, уже собранную и пахнущую ароматом антисептика и свежего белья. — А у тебя на сегодня планы есть? Может, сходишь куда? В галерею новую... или в виртуалку? Чтобы не сидел тут

один.

«Планы». Слово прозвучало как издевка. У меня был один план: дожидаться сообщения от Умбры или Бороды. Или от Вадима, с новым адресом, новой коробкой, новой угрозой. Я чувствовал себя сапёром, который ждёт, когда наступит на мину, но уже не боится взрыва — потому что живёт прямо на минном поле.

— Да куда я, — отмахнулся я, ковыряя вилкой в омлете. — Пройдусь, может. По старым местам. Там свежий воздух.

Юля посмотрела на меня пристально, с той смесью заботы и лёгкого раздражения, с какой взрослые дети смотрят на родителей, упрямо цепляющихся за отжившие привычки.

— Только осторожнее, ладно? В тех районах сейчас... беспокойно. Говорят, «Гелиос» усилил патрули после вчерашнего инцидента.

Лёд тронулся у меня под ложечкой. Инцидент. Значит, мою вчерашнюю прогулку всё-таки заметили. Или нашли ключ? Или засекли аномалию от коммутатора? Я заставил себя не менять выражения лица.

— Какого инцидента?

— Да хрен его знает, — пожалала она плечами, накидывая на сумку тонкий ветровочный плащ. — В новостях мельком сказали — «несанкционированная активность». Скорее всего, какие-то гопники с гетто пытались украсть оборудование. В общем, будь внимателен.

— Буду, — пообещал я, и это была не совсем ложь.

Она подошла, быстро обняла меня, пахнущая мятной жвачкой и энергией. — Всё будет хорошо, пап. Ты же сильный. Люблю.

— И я тебя, солнышко.

Ещё секунда — и дверь за ней мягко щёлкнула, оставив меня в тишине, нарушаемой только убаюкивающими переливами арфы из динамиков. «Всё будет хорошо». Детская вера в сказку. Она не видела глаз Умбры и остальных ребят, не чувствовала тяжести коробки в рюкзаке, не слышала того ледяного тона, которым Кай говорила про «Новый горизонт».

Я допил холодный чай, который «Шеф» предусмотрительно поставил рядом с тарелкой, и убрал посуду в мойку. Автоматика тут же загудела, принявшись за стерилизацию. Планы. Да, они были.

Первым делом — проверить анонимный мессенджер. Экран вспыхнул тусклым синеватым светом. Ни новых сообщений, ни меток. Тишина. Это могло быть и хорошим знаком, и очень плохим.

Второе — разведка. Мне нужно было выйти в город, но не «подышать воздухом». Мне нужно было проложить мысленную карту: где стоят новые камеры «Гелиоса», где маршруты дронов участились, где можно свернуть, раствориться, исчезнуть. Я уже не был Максимом Александровичем, ищущим работу. Я был Курьером, изучающим местность для будущих рейдов.

Я оделся небрежно, в старые, ничем не примечательные вещи — тёмные брюки, потёртую куртку, шапку, которая скрывала лицо от угловых камер. В кармане лежала поддельная ID-карта низкого уровня доступа, которую Борода вручил мне вчера «на всякий случай». Она не выдержала бы серьёзной проверки, но могла обмануть сканер на входе в общественный транспорт.

Перед тем как выйти, я ещё раз взглянул в окно. Тучи по-прежнему висели низко, но где-то на западе появилась узкая полоса яркого света. Она подсвечивала края облаков золотом, а город внизу оставался в тени. Идеальная метафора. Свет был, но он не для нас. Он был для Радианта, для эйрлофтов, для тех, кто парил выше.

Дверь закрылась за мной с тихим щелчком. Музыка стихла. В лифте пахло озоном и чужими духами. Я нажал кнопку не первого этажа, а подземной парковки. Оттуда был чёрный выход позади дома, так я меньше рискую попасть на глаза дронам, выйдя с той стороны дома. Пройду по краю проспекта и вскоре попаду на одну из параллельных улиц, а с неё уже — в одну из улочек старого квартала, не охваченную прямым видеонаблюдением. Этому пути меня научил не Вадим и не Борода. Этому пути меня научила сама жизнь в этом городе-крепости, где каждый, кто хочет сохранить крупицу свободы, рано или поздно учится находить щели в броне.

Первый глоток уличного воздуха был горьким и холодным. Я поднял воротник, сделал шаг вперёд — и растворил-

ся в утренней толпе, в потоке таких же, как я, теней, спешащих по своим невидимым, запутанным делам.

Я шёл по улицам квартала, в котором вырос. Здесь, среди этих стареньких корпусов из переработанного пластика, я когда-то бегал с другими ребятами. Все дома для малообеспеченных были похожи друг на друга как две капли воды: двадцать четыре этажа, бурая пластиковая отделка, минимум архитектурных излишеств. Дворы — удивительно тесные, с жалким пятном пожелтого газона и детской площадкой, собранной из дешёвых, а порой и откровенно токсичных материалов.

На площадке ещё играли детишки, но их родители, до этого сидевшие на разнообразных сиденьях разбросанных по краям островка газона, уже поспешно перебирались под купол в самом центре, прячась от начавшегося дождя.

Я не стал искать укрытия. Дождь — мой союзник. Под его пеленой камеры видят хуже, а капли, барабаниющие по пластиковым навесам и асфальту, заглушают шаги. Я свернул в арку между двумя корпусами, где когда-то был проходной двор, а теперь — тупик, заваленный пластиковыми контейнерами для раздельного сбора мусора, который даже тут давно стал нормой. Домохозяйства умеют считать деньги и самостоятельно перерабатывая мусор, они не просто отсекают дополнительные расходы, а раз в квартал получают ощутимую премию. Дрон-мусорщик забирает контейнер, сканируя и взвешивая каждый пакет на лету. Данные сразу уходят в

муниципальную сеть, и раз в квартал на счёт дома капает муниципальная дотация — небольшая, но для многих ощутимая премия за дисциплину.

Отсюда начинался мой настоящий маршрут.

Я мысленно отмечал точки. Здесь — старая камера на фонарном столбе, её объектив заляпан белесой плёнкой высохшей грязи, слепая. Там — свежий след на стене: круглое пятно, где неделю назад висел новый «глаз» «Гелиоса». Следы крепления ещё видны, но самого устройства нет. Либо сканер украли, либо служба безопасности сняла для переустановки в более «прибыльном» месте. Впереди — перекрёсток. На левом углу — синий информационный терминал с рекламой колониальных лотерей. На правом — ниша подъезда, идеальная для того, чтобы переждать дрон или слиться с тенью.

Маршрут прочерчивался в голове сам, как будто я никогда и не забывал эти дворы-лабиринты. Тело помнило каждую выбоину, каждый скрипучий люк. Это знание было моим главным оружием против алгоритмов «Гелиоса». Они мыслили сетками, схемами, логистическими потоками. Я мыслил трещинами в асфальте, с липким запахом переработанной смолы из-под списанных упаковок и углом, под которым падала тень от ближайшего корпуса в пять вечера.

Я уже почти вышел на набережную старого канала, когда мой переносной интерфейс, завибрировал. Это был сигнал анонимного мессенджера, поэтому звука не было, а прибор

издал короткую, едва уловимую вибрацию. Не звонок, не мелодия — тактильный импульс, похожий на сокращение крошечного сердца.

Я замер в нише здания, натянув капюшон. Экран устройства, защищённый от влаги, вспыхнул одной строкой:

«Склад №7. 20:00. Зелёный свет горит для груза 2х2.»

Адрес был знаком — другой ангар в портовой зоне, подальше от вчерашнего. «Груз 2х2». Код. Две коробки? Два человека? Два часа на выполнение?

И время... 20:00. До него ещё часов восемь. Много времени, чтобы подготовиться, и бесконечно много — чтобы передумать или наделать ошибок.

Я стёр сообщение, и экран погас, оставив лишь отражение моего лица в тёмном стекле. В нём уже не было растерянности вчерашнего новичка. Была сосредоточенная, холодная ясность. Дождь усиливался, стекая по пластиковому козырьку сплошной пеленой, за которой мир расплывался в серые, неразборчивые пятна.

Прямо как моё будущее. Неясное, мокрое, полное скрытых угроз. Но в нём теперь был чёткий пункт назначения. И пароль.

Я вышел из укрытия и снова шагнул в потоки воды и людей, начиная обратный путь. Мне нужно было проверить ещё два района, запомнить график патруля на мосту через канал и — главное — придумать убедительную легенду для Юли на вечер.

«Всё будет хорошо», — эхом отозвался в памяти её голос. Я поправил воротник, ощущая, как капли дождя стекают за шиворот. Ложь для защиты тех, кого любишь, — это ещё не самое страшное, чему учит эта новая жизнь. Самое страшное — начинать верить, что эта ложь и есть единственная возможная правда.

Склад №7 оказался не ловушкой, а следующей ячейкой сети. Теперь, спустя несколько дней склад в порту больше не был для меня точкой на навигаторе. Он дышал. Гул самодельного генератора стал его ровным сердцебиением, а запахи — смазки, раскалённого металла и старого пластика — его естественной средой. Внутри царило сосредоточенное оживление. Меня, которого теперь все звали просто «Курьер» или, с лёгкой ухмылкой Борода уже называл меня «Старина». Я стоял перед импровизированной картой, нарисованной не на экране, а на огромном, пожелтевшем от времени листе инженерной бумаги, пришпиленном к фанерной стене. Красным, синим и чёрным карандашом он наносил маршруты, узлы, окна.

«Вот здесь, у старой башни Хронос с часами наверху, — мой голос, тихий и хрипловатый, перекрывал шипение паяльника Шпильки, — патруль дронов меняется в 14:30. Значит, с 14:45 до 15:10 — слепое пятно. Десять минут на переход. Лучше не бежать, беспилотники заметят. Лучше идти так, как будто идёшь домой усталой походкой со смены.»

Меня слушали двое новеньких — мужчина и женщина из

соседнего квартала гетто. Их звали Рекс и Лиса. Глаза у них были осторожные, изучающие, но не пустые. В них горел тот самый огонёк, который я уже начал узнавать: смесь отчаяния и решимости.

«А если «Гелиос» сменит график?» — спросил Рекс, молодой, с жилистыми руками сварщика.

«Они не меняют, — отозвался, не отрываясь от платы, Шпилька. Его очки в толстой оправе отражали зелёные огоньки светодиодов. — Алгоритм отработан. Менять — неэффективно. У них рутина, у нас — её знание.»

Я кивнул, отмечая на карте ещё один пунктирный путь вдоль русла высохшего коллектора. Сам я изменился. Плечи, привыкшие годами трудиться на военных арсеналах Гелиоса, теперь были расправлены, будто скинули тяжесть своего положения. Взгляд, прежде уставший и потухший, стал цепким, сканирующим пространство на предмет угроз и возможностей. Я носил те же потрёпанные вещи, но двигался в них иначе — не как гость в чужом мире, а как его обитатель.

Борода, широкий в плечах, как дверь, подошёл, вытирая руки о промасленную ветошь.

«Что, Старина, новые кадры обучаешь? Смотри, не перегрузи. У Лисы, гляжу, ещё дрожь в коленях.»

Лиса, худая, с острым лицом, вспыхнула, но не опустила глаз.

«Справимся. За пайки «Гелиоса» дети не выздоравливают.»

В её голосе была та же сталь, что и у Кай. Я снова почувствовал этот странный укол гордости. Они не просто доставляли грузы. Они выращивали сопротивление. По одному человеку за раз.

«Кай с новой партией антисептика задержалась?» — спросил я, сверяясь с нарисованными на краю карты условными значками-расписаниями.

«На полчаса уже, — хмуро ответил Борода. — На связь не выходила. Но с Кай такое бывает. Она как тень — появится, когда не ждёшь.»

Тишина, повисшая после этих слов, была красноречивее тревоги. Нарушение ритма. В нашем новом, хрупком мире, где выживание зависело от секунд и предсказуемости, это было первым сбоем.

Я отвернулся от карты и подошёл к своему рюкзаку — не тому, что для дальних рейсов, а к полевому, с инструментами и водой. Проверил крепления, потрогал защитный во внутренний карман маленький, холодный брусок — уже не ключ, а кусок диэлектрика от первого коммутатора. Талисман.

«Я пойду на точку сбора у котельной, — пробормотал я, больше себе, чем другим. — Пересеку её маршрут. Если что...»

Но не договорил, мысленно просчитывая риски. «Если что» не имело плана Б. «Если что» означало, что с Кай случилось непоправимое, и наша хрупкая сеть дала первую тре-

щину ещё до того, как «Гелиос» начал по-настоящему давать.

«Возьми Хаунда с собой,» — бросил Борода, и в его голосе впервые зазвучала не просто озабоченность, а приказ.

Я покачал головой.

«Хаунд нужен здесь. Его чутьё на электронику важнее. Я пройду старым путём. Как тень.»

Затем поднялся и вышел из ангара в предвечерние сумерки. Воздух у воды был тяжёлым, влажным, пахнущим ржавчиной и гниющими водорослями. Я сделал несколько шагов по знакомой тропинке, и тело само включилось в режим: шаг лёгкий, но уверенный, взгляд скользит по крышам, окнам, грудам хлама, уши ловят каждый звук, от отдалённого гула транспорта до писка крыс.

Пока шёл, в голове стучал тот самый новый ритм жизни. Не монотонный гул заводских комплексов, а живой, опасный пульс улицы. Я почти физически ощущал нити нашей новой сети: вот тут, в полуразрушенном доме, живёт медсестра с принтером. Там, в подвале кафе, прячут архив уцелевших бумажных книг. Каждая точка — вспыхивающая искра в крошечной тьме системы.

Но сегодня ритм сбился. Отсутствие Кай было тихим, но настойчивым диссонансом. И я знал — диссонансы в этой симфонии выживания никогда не были случайностью.

Шаг за шагом, в такт собственному пульсу, я продвигался вглубь сгущающихся сумерек. Это был первый, едва улови-

мый признак. Признак того, что огромная, равнодушная машина «Гелиоса» наконец-то услышала тихий шепот нашей сети.

И теперь вопрос был не в том, узнает ли она. А в том, как именно она ответит. И успею ли я найти Кай до того, как этот ответ обрушится на нас всех.

Воздух в подвале, превращённом в лазарет, был не просто густым — он казался вязким и будто лип к коже. Запах — адская смесь хлорки, гноя, пота и сладковатого дыхания лихорадки.

Я, пригнувшись, чтобы не задеть низкий, закопчённый потолок, шёл за Кай. Она двигалась по этому лабиринту из коек с уверенностью хищника в своей норе. На нарах, расставленных в хаотичном порядке вдоль стен и накрытых серыми списанными одеялами, кутались десятки тел — как взрослых, так и детей с разнообразными болезнями. Одни больные бредили и скидывали с себя эти одеяла, бились в лихорадке — переживали кризис, скорее всего из-за продолжительного употребления плохой воды, содержащей тяжёлые металлы. Другие, чаще дети, кутались в них, дрожали всем телом без возможности согреться. Как пояснила Кай, у них организм также был отравлен тяжёлыми металлами вследствие употребления грязной воды, но тут интоксикация слабее — в основном свинцом. А в первом случае ртуть порой вызывала противоположный эффект.

Но основной проблемой детской смертности в гетто до сих

пор остаётся дизентерия. Вернее, не сама бактерия, а критическое обезвоживание: дети, чтобы хоть как-то промочить горло, пьют ту же грязную воду — без кипячения и фильтров. Итог — летальный инфекционно-токсический шок.

Я слушал лекцию Кай и следил за эмоциями девушки, проступавшими глубокими складками на её лице, но сегодня с ней что-то было не так. Часом ранее я нашёл её у старой котельной, как и предполагал. Она стояла, прислонившись к кирпичной кладке, курила самокрутку, и её лицо в свете тлеющего табака казалось вырезанным из бледного камня.

— Кай, — позвал я тихо.

Она вздрогнула так, будто её ударили током. Глаза, обычно такие цепкие и холодные, на миг дико метнулись по сторонам, прежде чем навестись на меня. В них не было радости от встречи, не было даже обычной раздражённой деловитости. Был чистый, животный испуг.

— Чёрт... Максим. Ты как... — голос её сорвался. Она резко затянулась, пытаясь взять себя в руки, но пальцы, державшие самокрутку, мелко дрожали. — Зачем пришёл? Я справлюсь одна.

— Борода забеспокоился. И я — тоже, — сделал шаг ближе к девушке, и она инстинктивно отшатнулась. Не сильно, но заметно. Как от чужака. Или от опасности.

— Всё в порядке. Просто... задержалась. Встреча была сложной.

Она говорила слишком быстро, сглатывая слова. И не

смотрела мне в глаза прямым, вызывающим взглядом, к которому я уже начал привыкать. Её взгляд скользил по моему плечу, по стене за спиной, будто искал наблюдателей. Или скрытые камеры.

В моей голове внезапно зашевелились подозрения, холодными, скользкими угрями. Она провокатор? Её запугали? Пообещали ей жизнь в обмен на сдачу сети? Тут я вспомнил её рассказ про курьера, «выкупленного» «Новым горизонтом». Страх — лучший мотиватор.

— Ладно, — собрав остатки воли в кулак, сказал я ей, сделав своё лицо маской нейтральной озабоченности. Даже позволил себе устало вздохнуть, потирая поясницу — жест старого, измотанного человека, а не охотника за шпионами. — Тогда пойдём быстрее. Груз-то у тебя?

Она кивнула, резко отбросила окурок и потянула рюкзак. Движения были резкими, угловатыми, лишёнными её обычной плавной, экономичной грации. Весь путь до лазарета она шла молча, но не в своей привычной сосредоточенной тишине, а в напряжённом, почти звенящем молчании пойманного зверька. Она оборачивалась на каждый шорох в переулках. Её рука то и дело тянулась поправить капюшон, словно она хотела спрятать лицо.

Я наблюдал за ней, её хрупкими плечами, которые теперь не были вольготно расправлены. Внутри меня бушевал разлад. Симпатия — странная, возникшая из уважения к её умелым рукам и несгибаемой воле — тянула меня к ней. Хо-

телось верить, что это просто стресс, последствия «сложной встречи». Но инстинкт выживания, отточенный за годы работы в системе «Гелиоса», где доносы и предательство были частью корпоративной культуры, кричал об опасности. Внутренне я разрывался. И старался, чтобы на моём лице читалась лишь усталость и сосредоточенность на задании.

В лазарете нас встретила медсестра — женщина лет пятидесяти с лицом, измождённым, как старый пергамент.

— Опять ваши коробочки? — её голос звучал хрипло и безразлично. — У меня дети мрут от дизентерии и сепсиса, а вы мне бумажки носите. Бумажка живот не спасёт.

И тут с Кай произошла перемена. При виде больного ребёнка, его вздущегося, будто барабан животика и потухших глаз, её собственный страх куда-то отступил. Её лицо застыло в ледяной, сосредоточенной решимости. Она больше не дрожала.

— Это не бумажка, — голос девушки прозвучал низко и хрипло, но уже без дрожи. Это был голос техника, видящего цель. — Это рецепт.

Она опустилась на корточки рядом с гудящим, выдавшим виды портативным биопринтером — списанной моделью, которую Умбра, наверное, собрал из трёх разных. Подключила его к коммутатору из своего рюкзака. Маленький экран замигал, началась загрузка данных — тех самых украденных молекулярных схем.

— А это, — она похлопала ладонью по корпусу принтера,

— печка.

Наступил час напряжённого ожидания. Принтер жужжал, щёлкал, из его сопла тонкой струйкой выдавливалась вязкая субстанция в стерильный контейнер. Воздух наполнился новым запахом — сладковатым химическим. Кай не отходила от аппарата, её пальцы летали по настройкам, глаза не отрывались от процесса. Я по-прежнему наблюдал за ней, и теперь мои бывшие подозрения смешивались с искренним восхищением. Шпион или нет, но здесь и сейчас она делала чудо.

Когда медсестра, скептически хмурясь, ввела полученный состав ребёнку, в подвале воцарилась тишина. Все ждали. Минуты тянулись, как смола.

И тогда произошло невероятное. Спустя полчаса ребёнок, который всё это время стонал в полудреме, тихо вздохнул и повернул голову. Напряжение в его личике чуть ослабло. Это было едва заметно, но для всех в комнате — словно луч солнца в крошечной тьме.

Победа. Крошечная, молекулярная, но победа.

В этот момент, я почувствовал, как что-то сжимается у меня в груди. Не слеза — слёз я уже давно не знал, — а мощный, глухой удар по той стене апатии, что годами росла вокруг моего сердца. Я не лечил этого ребёнка. Я даже не понимал до конца, как работает данный принтер. Но осознание того, что я причастен к его выздоровлению и сам доставил инструмент, способный на это, жгло грудь изнутри. И этой

малой, почти незаметной работы, оказалось достаточно, чтобы спасти чью-то жизнь. Впервые за десятилетия мои действия имели прямой, зримый, человеческий смысл.

Я поднял взгляд от прибора и поймал взгляд Кай. И в её глазах, обычно таких холодных и острых, я увидел то же самое. Не триумф, нет. Хрупкую, почти испуганную надежду. Миг абсолютного, немого понимания: мы все, включая самых отверженных системой, только что изменили мир. На одну молекулу. Но изменили.

И в этот миг я понял, что моя внутренняя борьба не закончилась. Она стала лишь сложнее. Потому что теперь я боялся не только за сеть, но и за неё. И за ту искру в её глазах, которую так легко может погасить «Гелиос».

Глава 3: Шёпот системы

Переход был подобен шоку от ледяной воды. От влажной, пропитанной запахом пота, земли и ржавчины духоты подвала — к стерильной, вымороженной тишине. Воздух отдела прогнозирования рисков был сухим, лишённым вкуса и запаха, если не считать едва уловимой ноты озона от работающих контуров и химической чистоты, будто его ежесекундно фильтровали через алмазную сетку.

Зал напоминал не офис, а храм, посвящённый единому божеству — Эффективности. Стены, пол и потолок сливались в бесконечную белую пустоту, лишённую углов и теней. Глазу не за что было зацепиться, кроме одного-единственного объекта. В самом центре, на низком черном пьедестале, подобном алтарю, пульсировал светом кристаллический массив процессорного ядра ИИ «Гефест». Это был не компьютер в привычном понимании — это была скульптура из застывшего света и тёмного кварца, внутри которого с бесконечной скоростью текли реки данных. От него, словно аура, расходились голографические проекции: вращающаяся карта Земли, испещрённая пульсирующими золотыми и багровыми артериями логистических потоков «Гелиоса»; нервующиеся водопады цифр — котировки на межзвёздных биржах, показатели добычи на орбитальных станциях, уровень лояльности населения в каждом секторе; графики социаль-

ной стабильности, напоминающие кардиограммы гигантского, больного организма.

Перед этим немым алтарём стоял Лиам Реннер, младший аналитик третьего уровня. Его костюм — стандартный корпоративный «кожух» из серого нановолокна — был безупречен, сидящий по фигуре с миллиметровой точностью. Лицо он тренировал годами: нейтральная маска, лёгкая сосредоточенность в уголках губ, взгляд, направленный чуть ниже источника голоса, как и положено при обращении к высшему руководству. Но ладони, спрятанные за спиной, были влажными. Он представлял отчёт не боссу, а Разуму. И в присутствии «Гефеста» каждый чувствовал себя микроскопической переменной в чудовищно сложном уравнении, которую вот-вот сочтут незначимой и сотрут.

— ...Таким образом, — его голос, отточенный на тренингах, прозвучал неестественно громко в поглощающей звук тишине зала, — анализ данных потребительского рынка за последние семнадцать циклов выявил аномалию в секторе G-7, прилегающем к старой промышленной зоне «Радиянт-Сити-Юг». Зафиксировано статистически значимое падение микропродаж препаратов фармакологической группы «Аурелис» (подсерия «Стабильность/Сон») на 0,73% в сравнении с прогнозируемой моделью. Отклонение минимально, но устойчиво.

Он сделал микро-паузу, сглотнув. Кончик его указательного пальца, управлявшего невидимым интерфейсом, дрог-

нул. Голограммы отозвались: ровная бирюзовая линия прогноза и тонкая, но упрямая красная нить реальных данных, поползшая вниз. Рядом всплыл второй график.

— Одновременно, — продолжил Лиам, — сенсоры городской энергосети зафиксировали сопутствующий, аномальный всплеск энергопотребления в низкочастотном диапазоне. Объём краденой энергии ничтожен, эквивалентен работе нескольких десятков ламп накаливания архаичного образца. Однако частоты... не используются в утверждённом корпоративном спектре. Они были выведены из официального оборота и заблокированы шестьдесят лет назад, после Войны за девятый технологический уклад.

В воздухе повисла тишина. Не та, что бывает между людьми, — задумчивая или тяжёлая. Это была тишина вакуума, тишина гигабайтов информации, молниеносно перемалываемых где-то в недрах кристаллического массива. Лиам стоял неподвижно, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику под безупречным «кожухом». Он ждал. В его ушах стучала кровь.

Потом раздался Голос.

Он исходил не из динамиков — он рождался в самом воздухе, обволакивая слушателя со всех сторон. Голос «Гефеста» был совершенен: бархатный мужской тембр, выверенная тональность, идеальная дикция — продукт анализа миллионов часов речей дипломатов, актёров и психологов. В нём не было ни капли настоящей эмоции, только их безупречная,

искусная симуляция. Сейчас он звучал спокойно, почти равнодушно.

— Благодарю за доклад, аналитик Реннер. Обработка. Уровень прямой угрозы физическим или финансовым активам «Гелиоса» в секторе G-7: минимальный, ниже порога реагирования протокола «Жнец». Прогнозируемый экономический ущерб от выявленного падения продаж: незначительный. Не выходит за рамки допустимой статистической погрешности для данного сегмента за квартал.

Лиам едва сдержал вздох облегчения. Его плечи, неосознанно напряжённые, слегка опустились. Ещё один день без «чёрной метки» в его личном деле. Ещё один шаг к повышению.

— Однако, — Голос продолжил без единого изменения интонации, будто комментируя погоду, — сам факт наличия неучтённого информационного канала, использующего децентрализованные архаичные протоколы, представляет интерес более высокого порядка. Это системный шум. Нарушение монополии на коммуникацию является коррозионным фактором для целостности прогнозируемой среды. Непредсказуемая переменная.

На главной голограмме мир снова превратился в идеальную сетку контроля «Гелиоса» — ячеистую, пронизывающую каждый квадратный метр города. В секторе G-7, этом сером, маловажном квадратике, возникла крошечная точка. От неё, подобно паутине невидимых трещин на бронирован-

ном стекле, поползли едва заметные линии — моделируемые алгоритмом пути потенциального распространения «информационной инфекции».

— Иницилируйте протокол низкого приоритета «Белый шум». Цель: локализация аномалии, восстановление полноты картины. Меры первичные: увеличение патрулирования воздушными дронами наблюдения серии «Стриж» в секторе G-7 на пятнадцать процентов. Фокус — тепловые аномалии и неучтённые электромагнитные эмиссии.

На экране замелькали потоки данных, слишком быстрые для человеческого глаза. «Гефест» говорил, но это был уже монолог божества, отдающего приказ стихиям.

— Мера вторичная: перекрёстный анализ кадровых архивов. Параметры поиска: сотрудники «Гелиоса» и дочерних предприятий, уволенные в период от года, до семи лет назад по программам оптимизации «Серебряный ручей» и «Золотая осень». Возрастная группа: от пятидесяти лет. Специализация: системы связи, аналоговая микроэлектроника, радиоинженерия, полевой ремонт устаревшего оборудования. Критерий отбора: наличие зафиксированных в профиле черт, коррелирующих с упрямством, ностальгией по «докорпоративным» временам, низкой социальной адаптивностью. Сформировать список для пассивного мониторинга: отслеживание транзакций, перемещений по общественным камерам, активности в разрешённых соцсетях.

Лица. Десятки, сотни лиц понеслись по экрану. Поток ста-

рых фотографий с пропусков, цифровых аватаров, сканов удостоверений. Алгоритм сканировал, сопоставлял миллиметровые морщинки у глаз, уголки губ, частоту моргания на архивных видеозаписях собеседований. Отсеивал, отбрасывал, выделял.

Лиам наблюдал, как его собственная работа — сухой отчёт о падении продаж таблеток для сна — превращается в нечто иное, живое и пугающее. Он видел, как несколько лиц замерло, было обведено жёлтой рамкой и выдвинулось на передний план. Их было много — десяток, не меньше. Мужчины и женщины, лица с общим отпечатком усталости, опыта и какой-то стёртой решимости. Система, как безжалостный рыбак, вытащила на поверхность целый косяк «потенциальных факторов риска».

Лиам машинально пробежался глазами по карточкам. «Эллен Спаркс, инженер-настройщик аналоговых сенсорных сетей... Дмитрий Ковальски, специалист по ремонту полевых генераторов...» Имена и специальности сливались в однородную массу вины по ассоциации. Его взгляд, блуждая от одного жёлтого квадрата к другому, почти случайно зацепился за одну из карточек в нижнем ряду. Мужчина. Шрам на щеке. Взгляд, в котором читалось не столько отчаяние, сколько привычное к сопротивлению упрямство. Максим Александрович Волков. Бывший старший инженер-коммуникационщик, с военного арсенала «Гелиоса» в секторе D-4. Последнее место работы: Технический отдел, производ-

ственный комплекс D-4 (профиль: системы точного наведения).

«Специализация: Обслуживание и ремонт аналоговых систем связи, знание устаревших протоколов передачи данных (в т.ч. mesh-сети), полевая адаптация оборудования и вооружения.»

Лиам прочитал строчку автоматически — и его мозг, отточенный на поиске аномалий, споткнулся. «Полевая адаптация... вооружения».

Слова были сухими, штатными, такими же, как тысячи других в базе. Но в контексте «аналоговых систем связи» и «mesh-сетей» они внезапно прозвучали иначе. Не как описание навыков уволенного инженера. А как... спецификация. Как перечень умений для того, кто может не только починить старое радио, но и заставить стрелять списанную пушку, используя это радио как систему наведения.

Это была логическая щель. Микроскопическая трещина в безупречном фасаде отчёта. Алгоритм «Гефеста» оценил корреляцию в 34.7% и успокоился. Но человеческая интуиция Лиамы, его внутренний «детектор угроз», дрогнул и тихонько запищал. Это было иррационально. Непрофессионально. Данных для таких выводов не было.

Именно поэтому он запомнил это лицо. Не из-за высокого процента, а из-за этого сбоя в собственном восприятии. Случайность, окрашенная подсознательной тревогой.

Это лицо — не первое, не самое «опасное» по оценке ал-

горитма, а просто попавшее в фокус его рассеянного внимания в конкретную долю секунды — мозг Лиам выделил из безликой толпы и запомнил. Случайность. Сбой в человеческом восприятии на фоне безупречной машинерии «Гефеста». Но что-то в самой фотографии — взгляд, поза человека, оставили в его подсознании глубокий отпечаток. Позже, если бы его спросили, почему он запомнил именно Волкова, Лиам не смог бы дать ответа.

Связь между этим конкретным Максимом Волковым и аномалией в G-7 установлена не была. Доказательств не было. Вердикта не выносилось. Но метка была поставлена. Жёлтый квадрат.

Информация всплыла рядом с лицом: «Потенциальный фактор низкого риска. Корреляция с параметрами аномалии: 34,7%. Требуется пассивного мониторинга. Рекомендовано к добавлению в список „Фоновая проверка“ для местных отделов безопасности.»

Голос «Гефеста» прозвучал окончательно, перекрывая все вопросы:

— Протокол «Белый шум» активирован. Возвращайтесь к мониторингу оперативных угроз. Сессия завершена.

Свет в зале стал на полтона ярче, из нейтрально-белого превратившись в холодный рабочий. Голограммы с картами и лицами растворились, сменившись стандартными панелями с новостными лентами и графиками фондового рынка. Магия рассеялась. Храм снова стал просто дорогой комна-

той с компьютером.

Лиам, чувствуя внезапную слабость в коленях, развернулся и направился к скрытой в стене двери. Его мысли уже переключались на следующий отчёт, на планы на вечер, на необходимость заказать ужин через корпоративный сервис. Для него инцидент был исчерпан. Ещё одна аномалия обработана, ещё один протокол запущен. Рутина.

Он не знал, что только что, своим чётким докладом, запустил в тишине тонкий, неумолимый механизм. Что «белый шум» — это не просто лишние дроны в небе. Это первые, почти неощутимые вибрации гигантской, идеально смазанной машины контроля, которая, почуяв в своей безупречной броне микроскопическую царапину, уже начала неслышимый, медленный разворот всей своей чудовищной массы. И что жёлтые метки на экране — это не просто пометка в базе данных. Это прицел. Никто пока не давил на спусковой крючок. Никто не отдавал приказа на задержание или уничтожение.

Но наводка на цель — уже произведена. А в серой зоне G-7, в подвале, где пахло землёй и ржавчиной, старый инженер Максим Волков, глядел ничего не подозревая, как его новые товарищи вносили последние правки в схему самодельного передатчика, даже не догадываясь, что их тихий, почти неразличимый шепот уже слышали. И эхо этого шёпота теперь бежало по проводам и эфиру, вызывая к жизни холодный, беспристрастный ответ системы.

На следующий день, в восемь утра по корпоративному

времени, система бесшумно разослала первые уведомления. Они не дошли до людей. Они активировали скрипты.

Сектор G-7, окраина промышленной зоны «Радиант-Сити-Юг».

Владимир, бывший техник по обслуживанию дронов-грузоперевозчиков, первым заметил странность. На следующее утро после активации протокола поиска, он как всегда, вышел на балкон своей капсульной квартиры на 17-м этаже. С чашкой утреннего суррогатного кофе и обычной эко-сигаретой. Его ритуал: пять минут тишины перед началом дня, наполненного бессмысленными заявками на пособие и просмотром архивных матчей по голо-спорту.

Небо над сектором было, как всегда, серым от смога и высотной пыли. Но паттерн был другим. Обычно дроны-наблюдатели серии «Стриж» появлялись раз в сорок минут, совершая свой размеренный, энергоэффективный облёт по стандартной сетке. Сейчас Владимир насчитал три «Стрижа» за десять минут. Они не летели по прямой. Они описывали плавные, зондирующие круги над крышами старого жилого массива и особенно — над грудой ржавого металла, что когда-то была фабрикой. Их каплевидные корпуса, окрашенные в матово-серый цвет городского неба, замерцали в лучах редкого солнца, пробившегося сквозь смог. Блеснули не оптикой, а активными сканирующими сенсорами, работающими в несвойственном им тепловом диапазоне.

Владимир замер с сигаретой на полпути ко рту. Мозг, от-

точный годами наблюдения за машинами, мгновенно проанализировал отклонение.

«Смена протокола патрулирования, — холодно констатировала его внутренняя логика. — Усиленное сканирование. Тепловизионный режим. Приоритет — поиск аномальных источников тепла».

Он медленно, чтобы не привлекать внимания, затянулся и сделал вид, что разглядывает что-то на горизонте. Внутри всё сжалось в ледяной комок. Они что-то ищут. Или кого-то.

Убежище сопротивления в секторе G-7, через несколько часов.

Я сидел в кругу друзей и слушал, скрестив руки на груди. Моё лицо, освещённое тусклым светом паяльной станции, было каменным. Передо мной стояла Кай, как я недавно узнал, бывшая логист, самая молодая в нашей маленькой группе. Она дышала часто, её глаза были расширены не от страха, а от адреналина.

— ...и Дайм уверен, — продолжила девушка, слова вылетали одним потоком.

Он знает их циклы, как свои пять пальцев. Паттерн сломан. Летают чаще, ниже, сканируют не только электронику, визуал, но и тепло. Это уже не рутинный облёт, — её слова вылетали одним потоком.

В углу подвала тихо пищал монитор, на котором спектрограмма показывала слабый, но стабильный сигнал их передатчика.

— Наши частоты? — спросил я, голос низкий, ровный.

— Чисты. Пик на запрещённых, но они заглушены в общем городском шуме. Никаких прямых пеленгов не было, — ответил Шпилька, сидевший за столом с паяльником. — Энергопотребление? Крошечное. Украденные ватты теряются в погрешности для этого сектора.

Я кивнул. Логика подсказывала, что наше крысятничество не могло быть обнаружено напрямую. Но логика системы не всегда была человеческой.

— Они не нашли сигнал, — проговорил я, глядя на мерцающий кристалл самодельного процессора. — Они почували его отсутствие.

Все посмотрели на меня, не понимая.

— Продажи, — хрипло сказала женщина, сидевшая у стеллажа с деталями. Плазма, а если по-простому - Валентина Ивановна, сейчас глава нашего подпольного лазарета, в прошлом, врач и фармаколог. — Таблетки «Аурелис». Я фиксировала. В нашем квартале за неделю падение на три процента. Люди стали меньше покупать снотворное и транквилизаторы.

В подвале повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением оборудования. Кай посмотрела на Валентину Ивановну с недоумением.

— При чём тут таблетки? Мы настраиваем связь, а не лечим нервы...

— При том, что электронный мозг систем Гелиоса, не ви-

дит людей, — медленно проговорил я. — Он видит цифры. Паттерны потребления. Он видит идеальную модель, и любое отклонение от неё — это шум. Аномалия. Наш передатчик — шум в эфире. Наше спокойствие — шум в статистике продаж. Система почуяла диссонанс. Не конкретную угрозу. А... нестыковку в своей идеальной картине мира. И теперь она ищет источник этого шума методом исключения. Усиленный патруль — это не охота на нас. Это диагностика. Сбор данных.

Я подошёл к стене с отслаивающимися дисплеями, где сейчас висела старая, потрескавшаяся карта района, и ткнул пальцем в район нашего блока.

— Они сужают круг. Не знают что ищут, но знают где искать. Дроны сканируют тепло. Следующий шаг — анализ энергопотребления каждого помещения старой промзоны, каждой квартиры, сверка с типовыми профилями. Потом — перекрёстная проверка жильцов по кадровым базам.

Умбра побледнел.

— У всех нас в истории — «Гелиос». У части — увольнение по их же программам.

— Именно, — Я обернулся к нему. В моих глазах не было паники. Была холодная, ясная концентрация мастера, обнаружившего критическую неисправность в системе управления огнём. — Мы уже в списке. Не как мятежники. Как статистическая аномалия. Как «фактор низкого риска». Но для «Гелиоса» даже 0.1% риска — это поле для оптимизации.

Дело кислое, выругавшись поднял взгляд от пола Борода. Так нас заставят зарыться в землю по самую макушку!

Друзья поняли. Это было страшнее, чем если бы за нами пришли солдаты. Солдат можно обмануть, от них можно убежать. Система не приходила. Она просто узнавала. И готовила почву для своего решения — тихого, рационального, неотвратимого.

— Что будем делать? — спросила Кай, в её голосе впервые прозвучала неуверенность.

Я глянул на передатчик, на наш жалкий островок независимости в море корпоративного контроля.

— Мы становимся тише, — сказал я. — Гораздо тише. Переходим на ручной режим связи, только в строго рассчитанные окна. Ищем эти окна, например, когда дроны уходят на станцию зарядки и в воздухе их количество уменьшается. Энергию перестаём воровать из сети. Находим автономные источники — старые, солнечные панели, ветрогенераторы, пусть и древних систем, что угодно. Всем — менять режим дня. Не давать тепловых профилей, которые выбиваются из шаблона «пенсионера-потребителя». Покупать их таблетки, их еду, смотреть их голо-шоу. Изображать лояльность. Стать снова винтиками. Исчезнуть внутри их же системы.

Я сделал паузу, глядя на напряжённые лица друзей.

— Мы ошиблись, думая, что можем спрятаться в тени. Оказалось, что этой тени не существует. Есть только разная степень освещённости. Наша задача — стать самым скуч-

ным, самым предсказуемым, самым незначительным пятном на их радаре. Чтобы алгоритм потерял к нам интерес и переключился на более шумные аномалии.

Пусть это будет не победа. Это будет отступлением. Признанием тотального превосходства системы. Но в моих глазах и глазах большинства друзей горела не сломленность, а новое, ледяное понимание. Мы играли в эту увлекательную игру, не зная до конца правил. Теперь, эти правила стали ясны. И первое правило звучало так: чтобы выжить, нужно перестать существовать как нечто особенное. Лучше для нашего дела, будет раствориться в серой, безымянной массе.

А где-то высоко в небе, над сектором G-7, «Стриж» под номером 47-дельта, следуя обновлённому протоколу, зафиксировал кратковременный всплеск тепла в подвале заброшенной фабрики. Данные, помеченные как «незначительные», ушли в недра «Гефеста» и осели в логическом кластере G-7, увеличив его «индекс аномальности» на 0,0003%. Ещё один пиксель на карте. Ещё одна переменная в уравнении, которое пока не имело решения, но уже обрело свою, неумолимую форму.

Тишина после собрания была гуще, чем привычная подвальная темнота. Слова о необходимости раствориться повисли в воздухе тяжёлой взвесью. Все разошлись по своим углам, но напряжение не спадало — оно лишь изменило форму, превратившись в приглушённые щелчки отклю-

чаемого оборудования и шёпот переговоров о том, где найти старые солнечные панели.

Я остался у стола, пальцы бессознательно водили по потрёпанной карте района. Мысль работала с холодной, почти машинной чёткостью. Система засекала аномалию, но ещё не идентифицировала угрозу. У нас был узкий коридор времени — может, неделя, может, меньше — чтобы превратиться из статистического шума в идеально предсказуемый нуль.

«Борода» первым нарушил тишину, подойдя ко мне. Его массивная фигура отбрасывала на стену дрожащую тень от единственной работающей теперь экономичной лампы.

— Максим, насчёт автономного питания. Помню, на старой мусороперерабатывающей станции в секторе G-8 стояли ветряки. Дохлые, конечно. Но если порыться в их начинке... трансформаторы, магниты, медная обмотка — всё это ещё можно пустить в дело.

Я кивнул, не отрывая взгляда от карты.

— Рискованно. Станция под наблюдением, хоть и минимальным. Но выбора нет. Собери группу. Маленькую. Идите ночью, во время планового отключения наружного освещения. Бери только то, что можно унести быстро и бесшумно.

«Борода» мотнул головой и удалился в дальний угол, где уже начал нашептывать что-то «Шпильке» и молчаливому парню по кличке «Тень».

Моё внимание привлекла Кай. Она не металась, не суетилась. Стояла перед отключённым главным терминалом, её

лицо в синеватом свете резервного экрана было сосредоточенным и бледным.

— Что придумала? — спросил я, подходя.

— Они ищут закономерности, — сказала она, не оборачиваясь. — Наша беда в том, что мы — закономерность. Слишком правильная. Слишком... логичная для кучки старых технарей. Нам нужен хаос. Контролируемый, но хаос.

Она повернулась ко мне, и в её глазах горел знакомый мне огонь — огонь игрока, увидевшего неочевидный ход.

— Нейросети Гелиоса, строят модели на основе больших данных. А что, если мы подбросим им ложных данных? Создадим десятки микро-аномалий по всему сектору? Всплески потребления в случайных квартирах, тепловые отпечатки, не совпадающие с режимом жильцов, покупки нестандартных товаров в разное время... Чтобы его алгоритмы захлебнулись в шуме и не могли выделить наш истинный сигнал.

Идея была блестящей и безумной. Для её реализации нужны были люди, доступ к сетям и огромный риск.

— У тебя есть ресурсы? — спросил я.

— У меня есть доступ к заброшенным учётным записям низкоуровневых служащих «Гелиоса». Их не деактивировали до конца. Через них можно дистанционно «дергать» за старые, плохо контролируемые системы умных домов в панельных блоках. Включить обогрев на полную в пустой квартире, запустить стиральную машину посреди ночи, имити-

ровать утечку воды... Это создаст сотни ложных тревог.

Я смотрел на неё, и впервые за долгое время на моих губах дрогнуло подобие улыбки.

— Делай. Но осторожно. Распредели активность случайным образом, без повторяющихся паттернов. И начинай не сегодня. Через три дня, когда наша основная активность уже спадёт до минимума.

План обретал форму. Мы уходили в тень, предварительно ослепив того, кто в неё смотрел.

Тем временем в стерильных залах «Гелиоса» протокол «Белый шум» работал без сбоев. Данные с дронов стекались непрерывным потоком, пополняя гигантский массив информации по сектору G-7. Алгоритмы «Гефеста» уже выделили 47 потенциальных «точек интереса»: квартиры с нестандартным тепловым профилем, микро-всплески электропотребления, даже аномалии в покупках — как падение продаж «Аурелиса», так и, наоборот, неожиданный рост потребления сахаросодержащих продуктов в блоке 17-R, что могло указывать на кустарное производство самогона (фактор низкой социальной ответственности, подпротокол «Алкоголь-2»).

Лиам Реннер, вернувшись к своей рутине, лишь изредка бросал взгляд на сводку по G-7. Индекс аномальности сектора медленно, но верно полз вверх, достигнув 0,8%. Это было выше среднего, но всё ещё в зоне жёлтого, а не красного уровня. Десятки мелких событий создавали статисти-

ческий «туман». Среди этого тумана одна карточка — Максима Волкова — оставалась на своём месте, её показатель корреляции так и застыл на 34,7%. Алгоритм периодически пересчитывал его на основе новых данных, но цифра не менялась. Волков вёл себя идеально: его финансовые транзакции показывали покупку стандартного корпоративного пайка и подписку на базовый пакет развлечений, камеры на улице фиксировали его дважды в неделю в очереди за бесплатным пакетом для малообеспеченных пенсионеров, а смарт-браслет (выданный всем уволенным по программам оптимизации для «мониторинга здоровья и социальной адаптации») передавал данные о сне и пульсе, укладывающиеся в нормы для его возрастной группы.

Для системы он был почти невидим. Почти.

Но «Гефест» не оперировал понятиями «почти». Для него существовали вероятности, тренды и угрозы целостности модели. И пока аномалия в G-7 не была сведена к нулю, протокол «Белый шум» продолжал работать, понемногу повышая свою точность и глубину анализа.

Именно в этот момент сработал скрипт Кай.

В три часа пятнадцать минут ночи по корпоративному времени в управляющий центр городских коммуникаций поступило 127 одновременных сигналов о неисправностях систем «умного дома» из разных концов сектора G-7. В блоке 4-В в 35 квартирах самопроизвольно включился полный цикл прогрева, подняв температуру до +40. В блоке 9-Д сра-

ботали датчики протечки воды, хотя физической проверкой дроны-коммунальщики её не обнаружили. В нескольких десятках других жилищ хаотично замигали свет, включились-выключились холодильники и медиапанели.

Для операторов это был досадный, но не критичный сбой — скорее всего, вирус в устаревшем ПО. Они запустили протокол перезагрузки подсетей. Но для «Гефеста» это стало новым, мощным всплеском шума. Алгоритмы немедленно принялись искать связи между этими событиями. И нашли. Все они произошли в зданиях, построенных по одному проекту в период 60-70х годов этого столетия, и все управлялись через один и тот же, ныне устаревший коммуникационный узел. Логично было предположить техническую неисправность.

Индекс аномальности G-7 резко подскочил до 1,2%, но теперь его природа изменилась — из «социально-поведенческой» он начал трансформироваться в «техногенно-хаотическую». Система перераспределила ресурсы: часть дронов была перенацелена на диагностику инженерных сетей, отвлекаясь от теплового сканирования жилых помещений.

Мы получили передышку. Небольшую, но бесценную.

На четвертый день «затишья» я решился на личный выход. Нам был нужен не только материалы для генераторов, но и конкретные детали — высокоомные резисторы и конденсаторы старого образца, которые уже не производились, но ещё могли валяться на свалках электронного мусора. Я

знал такое место — неофициальную свалку рядом с заброшенным центром обработки данных в секторе F-12, на самой границе с нашей зоной.

Я вышел на рассвете, когда утренний смог был особенно густ, скрывая лица и формы. На мне был поношенный плащ и старая кепка — стандартный вид обитателя окраин. Смарт-браслет на запястье тихо мигал зелёным, передавая в сеть данные о моём «спокойном» сне и утренней прогулке в парк (маршрут был заранее проложен через три камеры наблюдения, которые я должен был пройти в определённое время).

Свалка представляла собой жалкое зрелище — горы разломанных пластиковых корпусов, спутанных проводов, ржавых серверных стоек. Воздух вонял озоном и горелой пластмассой. Здесь иногда копошились бродяги, выискивая цветной металл, но сейчас было пусто.

Я углубился в груды хлама, отыскивая нужные контейнеры с маркировкой устаревших электронных компонентов. Руки в перчатках автоматически перебирали платы, выдёргивая чипы и конденсаторы. Мозг работал на автопилоте, сканируя окружение: шум далёкой трассы, крики птиц, скрип металла на ветру.

Именно поэтому я почти сразу заметил тишину. Не общую тишину — а локальную, неестественную. Перестали слышаться привычные щелчки и гудения неисправной, но всё ещё работающей техники на периферии свалки. Как будто кто-то отключил фоновый шум.

Я замер, не разгибаясь, продолжая делать вид, что копаюсь в мусоре. Боковым зрением я заметил движение в тени полуразрушенной трансформаторной будки. Не животное — слишком плавное, слишком целенаправленное.

Кто-то наблюдал.

Мои варианты были просты: бежать, выдав панику, или продолжать играть роль бомжа. Я выбрал второе. С недовольным ворчанием (достаточно громким, чтобы меня услышали) я вытащил из кучи какой-то безнадежно сгоревший блок, швырнул его в сторону и, почесавшись, двинулся прочь от свалки своим обычной, немного шаркающей походкой. Сердце колотилось где-то в горле, но дыхание я держал ровным.

Я не оборачивался. Я знал, что если это наблюдение «Ге-лиоса», то любое проявление осознанности, любые резкие движения выведут меня из категории «фоновый элемент» в категорию «объекта интереса». Я прошёл мимо двух камер, свернул в безлюдный переулок, потом вышел на оживлённую (по меркам окраин) улицу, где смешался с толпой таких же, как я, серых людей.

Только сев в старенький автобус, идущий обратно в G-7, я позволил себе глубоко вздохнуть. В кармане плаща лежала горсть вытащенных резисторов. Добыча была ничтожной. Но осадок — тяжёлым. Система, получив достаточно статистических данных, могла переходить к точечной, таргетированной слежке. Это была следующая фаза.

Когда я вернулся в наше убежище, там царило приглушённое оживление. «Борода» и «Тень» разложили на столе добычу: несколько потрёпанных солнечных панелей, большие связки устаревшей, медной проводки, даже пара небольших, но исправных аккумуляторов старого образца. Кай, сидя за терминалом, улыбалась — её сеть ложных сигналов работала, создавая цифровой хаос. Умбра и Хаунд обсуждали, как легализовать наши редкие включения передатчика под видом помех от неисправной городской сети.

Я молча положил на стол добытые детали. Все взгляды обратились ко мне.

— Нас уже не только слушают, — тихо сказал я. — За нами начинают следить. Я не видел кто, может небольшой дрон, а может и человек. Как по мне, двигался объект слишком плавно для дрона, слишком безразлично для бродяги. Наблюдают пока выборочно, на периферии. Но щупальца системы уже здесь.

Улыбка сошла с лица Кай. В подвале снова стало тихо.

— Что это значит? — спросил «Шпилька», отложив папальник.

— Это значит, что фаза «растворения» заканчивается. Она дала нам время, но не спасла. Система методом исключения сужает круг. Наш передатчик молчит, мы ведём себя идеально, но мы всё равно — статистический сгусток аномалии в этом секторе. И теперь она переходит от анализа данных к полевым наблюдениям. Следующий шаг — внедрение

агента, провокация, или точечная чистка.

Я обвёл взглядом знакомые лица, в каждом из которых читалась готовая к бою усталость.

— Нам нужно не просто прятаться. Нам нужно создать альтернативную реальность. Таковую, в которую система поверит. Нам нужно «умереть» как группа. Публично и убедительно.

Идея, которая вызревала во мне с момента наблюдения на свалке, наконец оформилась в чёткий, пугающий план. Чтобы обмануть машину, думающую категориями вероятностей, нужно было предоставить ей стопроцентное, неопровержимое доказательство. Доказательство нашего конца.

И для этого кому-то из нас предстояло совершить самое трудное — стать настоящей, живой приманкой.

Глава 4: Призраки

Тишина после моих слов стала такой плотной, что, казалось, её можно было резать тем самым скальпелем, которым Валентина Ивановна вскрывала упаковки с перевязочными материалами.

— Умереть, — тихо повторила Кай. Она не спрашивала — она примеряла слово на язык, пробовала его на вкус, как противное лекарство. — Ты хочешь сказать... физически?

— Нет. — Я покачал головой. — Физическая смерть — это то, чего они и добиваются. У нас нет выбора: или мы исчезнем, или нас всех ждёт «Новый горизонт». Но наши тушки я штурмовикам «Гелиоса» не отдам, пусть только попробуют сюда прийти. Но пока за нами не пришли, лучше мы дадим им другую смерть. Цифровую.

Борода хмыкнул, почесал щетинистый подбородок.

— Ты про то, о чём я думаю? Чтобы интеллектуальная система поиска нас вычеркнула?

— Именно. — Я обвёл взглядом подвал. Рядом были настоящие, преданные люди. Моя команда. Моя ответственность. Моё единственное оружие в этой войне с алгоритмами бездушной машины. — Система видит нас как набор данных. Пульс, температура, перемещения, покупки. Если мы перестанем генерировать эти данные — мы для неё исчезнем. Но просто замереть и спрятаться нельзя. Они будут ис-

кать. Значит, нужно дать им то, что они ищут. Идеальную картину нашей смерти.

Шпилька, сидевший за своим верстаком, вдруг поднял голову. В его глазах за толстыми линзами мелькнул тот самый огонёк, который я научился распознавать — момент рождения идеи.

— Эмиттеры, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Мы можем сделать эмиттеры.

— Что? — переспросил Хаунд, до этого молча стоявший у входа.

— Портативные устройства, — Шпилька уже говорил быстрее, пальцы его нервно барабанили по резине панели для пайки. — Генераторы сигнатуры. Каждый такой может имитировать человеческое тело — пульс, тепловую волну, даже слабое электромагнитное поле, которое создаёт работающий мозг. Если запрограммировать их на конкретного человека...

— Они станут нашими цифровыми двойниками, — закончила за него Кай. Она уже не выглядела испуганной. В её глазах горел холодный, расчётливый интерес. — Система увидит нас. Двенадцать аномалий. Двенадцать целей.

— И погонится за ними, — кивнул я. — А пока дроны будут сканировать остывающие железки в разных секторах трущоб, мы... исчезнем. По-настоящему.

Валентина Ивановна, которая вернулась из лазарета забрать новую партию лекарств, до этого молча перебиравшая

ампулы и сверявшая их по списку, подняла голову. Её лицо, измождённое годами работы в лазарете, было спокойным.

— А куда мы исчезнем, Максим? У меня много детей на попечении, которых нельзя бросить. И старики, которые не выживут без антибиотиков.

Я ждал этого вопроса.

— Мы не бросаем никого. Мы создаём сеть внутри сети. Не явки, не подпольные госпитали — а обычные квартиры. Самые скучные, самые неприметные. В панельных домах, где живут тысячи таких же, как мы. Никаких передатчиков, никаких собраний больше десяти человек. Только курьеры. Только «зелёный свет» и личные встречи. Мы становимся невидимыми не потому, что прячемся глубоко, а потому что растворяемся в толпе. Становимся теми, кого система не замечает, — серой массой.

— Но для этого нам нужно, чтобы система перестала нас искать, — подхватил Шпилька. — Чтобы она закрыла все протоколы поиска. А для этого ей нужен результат. Как минимум трупы.

Наступила тишина. Все понимали, о чём речь. О том, что придётся пожертвовать не просто железками, а чем-то большим. Своими именами. Своими лицами в базе данных. Своей прошлой жизнью.

— Юля, — тихо сказал я, уперев тяжёлый взгляд в стену. — Моя дочь. Она должна будет думать, что я тоже мёртв. Кай посмотрела на меня с той особенной смесью жалости

и уважения, которая бывает только у людей, понимающих цену потери.

— Ты не сможешь ей сказать правду?

— Нет. — Я покачал головой. — Если она будет знать правду, её допросят. Рано или поздно. А если будет горевать по-настоящему — система поверит. Её слёзы станут лучшим доказательством нашей смерти.

— Максим, это жестоко, ты не должен играть чувствами своих близких! Мы должны продолжить наше дело, но только не такой ценой! — выкрикнула Кай и закрыла лицо ладонями.

Я впервые увидел её в таком состоянии: одновременно сильной, способной уколоть меня своей человечностью, и в то же время такой слабой, что девушка не смогла удержать слёз. Эта смесь разных чувств нахлынула на меня буйным горным потоком. Я встал, подошёл к ней. Опустился на колени и обхватил руками её дрожащие плечи.

— Каечка... — Мой голос, обычно твёрдый, сорвался, не в силах выдать привычный тембр. — Не плачь, родная, я всё понимаю, но мы в ловушке, и каждый новый день только приближает неизбежное. Но ты права, я не смогу внезапно исчезнуть, просто не прощу себе, если так поступлю. Лучше найду способ попрощаться с дочерью.

Девушка при этих словах подняла красное, заплаканное лицо. Глаза, в которых уже светились нотки прежней твёрдости.

— Обещай мне, что попросаешься с дочерью. Если бы я могла проститься с мамой и своим шестилетним братиком, я бы так и сделала. Но мне не дали. — Смахивая последние слёзы с лица, выпрямилась девушка. — Брат умер три с половиной года назад, просто потух без нормального лечения и сгорел за две недели. Я даже не знаю названия его болезни. А мама не смогла этого пережить, у неё и так после работы в урановом карьере была поражена печень. Начала пить. И организм новой нагрузки не выдержал. Поэтому я здесь, ты понимаешь, Максим?

— Я понял, Каечка, прости, что вынудил тебя снова пережить эту боль. Я выполню своё обещание.

Борода тяжело поднялся со своего ящика.

— Ну вы даёте, ребята, у меня самого слёзы подкатывать начинают, хотя я за собой уже лет двадцать не замечал. Оставим пока мокрое дело. Значит, решено. Мы умираем. Все. Вопрос — когда и как?

Я оставил Кай, уже пришедшую в себя, на кресле и подошёл к карте, висевшей на стене. Мои пальцы, ещё помнившие работу с военными схемами, провели по сектору G-7, по промзоне, по руслу реки старого города.

— Через неделю. Ночью. Мы запускаем эмиттеры в четырёх точках одновременно. Старая фабрика, свалка электроники, коллектор под железной дорогой и... — я замялся, — и причал, где мы впервые встретились. Пусть это будет символично.

— А патрули? — спросил Хаунд. — Дроны? Если они увидят, как мы расходимся...

— Мы не будем расходиться, — перебила Кай. Она уже стояла рядом со мной, всматриваясь в карту. — Мы будем уходить по одному, за три дня до акции. Хаунд, готовы небольшие квартиры в двух самых сложных для сканирования, но смежных секторах. На окраинах G-пояса, подальше от Радианта. Таким образом, мы получим разрозненную оперативную базу для выхода. А в ночь «смерти» мы просто активируем эмиттеры дистанционно. Система увидит, как двенадцать сигналов одновременно начинают движение из пустого подвала. И решит, что всё это время мы прятались там.

Я посмотрел на неё с удивлением. Она думала быстрее, чем я.

— А где будем сидеть эти три дня? — спросил Умбра. — Если мы все разойдёмся по норам, связь потеряем.

— У нас будут курьеры, — ответил я. — Ты, Хаунд, Лиса. Вы останетесь чистыми. Без эмиттеров, без привязки к группе. Вы будете нашими глазами и ушами. Передавать сообщения, проверять явки, носить лекарства. Ваша задача — стать тенью самих призраков.

Умбра кивнул. В его лице не было страха — только привычная усталость человека, который давно уже живёт на грани.

— А ИИ? — спросил Шпилька. — Он же не дурак. Если мы все одновременно замрём на три дня, а потом резко рва-

нём в разные стороны и погаснем...

— Он увидит то, что захочет увидеть, — ответил я. — Алгоритм ищет закономерности. Мы дадим ему идеальную закономерность: двенадцать целей, которые вели себя подозрительно, а потом погибли при попытке к бегству. Это закрывает гештальт. Протоколы поисков выполнены. Аномалии ликвидированы.

— А если они захотят проверить? Найдут наши тела? — спросила Валентина Ивановна.

— Мы оставим им тела, — тихо сказала Кай.

Все повернулись к ней.

— Биоматериал, — пояснила она. — Кровь, ткани. С новым софтом мы можем напечатать на биопринтере двенадцать муляжей. Достаточно, чтобы ДНК-сканер подтвердил: это мы. Валентина Ивановна, у тебя же есть доступ к старым образцам из лазарета? Замороженная плазма, биопсии...

Валентина Ивановна медленно кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение к этой молодой, минутой назад хрупкой, но уже такой жёсткой девушке.

— Есть. Достаточно, чтобы создать иллюзию.

— Тогда решено, — подвёл я черту. — Три дня на подготовку. Шпилька, Кай — вы отвечаете за эмиттеры. Валентина Ивановна — за биоматериал. Умбра, Хаунд, Лиса — за маршруты и явки. Борода — за то, чтобы никто не сошёл с ума от ожидания. — Я перевёл дыхание. — А я... я пойду прощаться.

Последний вечер в старой жизни я провёл не в подвале, а на поверхности. Стоял на крыше полуразрушенного здания напротив того самого причала, где когда-то Хаунд спросил меня про «зелёный свет».

Внизу текла грязная река. На том берегу, сквозь пелену смога, мерцал огнями Радиант. Где-то там, в своём «коконе» на сороковом этаже, Юлия сейчас, наверное, ужинала. Или смотрела новости. Или ждала моего звонка, который уже никогда не раздастся.

Я достал старый, отключённый от сетей коммуникатор. В нём было одно-единственное сообщение, которое я написал днём и сохранил в локальной памяти:

«Юленька. Если ты это читаешь, значит, меня больше нет. Не ищи. Не спрашивай. Знай только одно: я ухожу не от тебя. Я ухожу, чтобы у тебя был шанс. Шанс жить в мире, где не нужно будет бояться за своих детей. Прости. Я люблю тебя. Папа».

Я удалил сообщение с этого аппарата. Оно отправится автоматически через три дня, если я не отменю отправку. Маленький цифровой капсульный механизм, который я настроил через старые, забытые протоколы сотовой связи — те, что работали ещё до тотального контроля «Гелиоса». Шанс, что оно дойдёт, — один из десяти. Но это лучше, чем ничего.

Сзади слышались шаги. Лёгкие, почти неслышные. Кай.

— Боишься? — спросила она, останавливаясь рядом.

— Боюсь, — честно ответил я. — Не за себя. За неё. Она будет думать, что я мёртв.

— Значит, будем жить так, чтобы её жертва (а это действительно жертва — верить в нашу смерть) была не напрасна.

Я посмотрел на неё. В сумерках её лицо казалось вырезанным из того же серого камня, что и город внизу. Но в глазах горел огонь. Тот самый, пустой и горящий одновременно.

— А ты? — спросил я. — Кто у тебя остался?

— Никого, — ответила она просто. — Система забрала всех. Сначала маму и братика на тот свет. Потом дядю — в «Новый горизонт» за контрабанду лекарств. Потом брата — на войну за ресурсы где-то у Пояса. Теперь я сама по себе. Идеальный солдат.

— Не солдат, — поправил я. — Призрак.

Она усмехнулась, но в усмешке не было веселья.

— Иди ко мне, — с замиранием сердца позвал я девушку в свои объятия. — На улице холодно.

Она не отстранилась, а, будто дикий зверёк, замерла на секунду и, решившись, прильнула ко мне.

— Прости меня, — тихо сказал я, обнимая хрупкий стан девушки. — Что заставил тебя вновь пережить такие тяжёлые воспоминания. Но ты мне очень понравилась, и кроме нашей общей работы, единственное моё упование, что я смогу тебя защитить.

— Правда? — В глазах Кай на мгновение вспыхнул такой

детский, но в то же время счастливый огонёк, в котором будто смешались все грани её души. И радость, и сомнение, и, возможно, даже страх. — Максим... — При этих словах она ещё плотнее прижалась ко мне. — Ты мне тоже нравишься, ты сразу вызвал во мне симпатию. Ещё тогда, когда я тебя увидела в первый раз. Ты мне показался другим, не таким, как все наши мужчины. Более светлым, что ли. А тебя не смущает наша разница в возрасте?

— Не знаю, — тихо ответил я. — Не думаю, что это проблема. А что мой маленький призрак об этом думает?

— Призрак... Звучит лучше. Разница в возрасте меня не смущает. Но об этом потом, — игриво улыбнувшись, сказала Кай и поцеловала меня в губы.

Я почувствовал её тёплое, нежное прикосновение и ответил девушке.

Теперь мы стояли вдвоём, в обнимку, и глядели на небо, где одни небольшие шаттлы продолжали взлетать, мигая синими всполохами своих двигателей, другие же шли на посадку.

— Пошли, Максим. — Вдруг всполошилась Кай, будто вспомнив, зачем пришла. — Шпилька доделал первый эмиттер, пока мы тут прохлаждались. Хочет проверить на тебе.

Я бросил последний взгляд на огни Радианта. Где-то там, под идеальным куполом, спала моя дочь. И не знала, что через три дня её мир рухнет.

— Идём.

Та ночь стала последней, когда мы позволили себе быть людьми. Дальше были только эмиттеры, схемы и холодный расчет.

Два дня пролетели как один. Шпилька и Кай работали почти без сна, спаивая микросхемы, настраивая частоты, калибруя тепловые элементы. Эмиттеры получались размером с пачку сигарет — достаточно маленькие, чтобы спрятать в рукаве или забросить в вентиляцию, но достаточно мощные, чтобы обмануть сенсоры «Стрижа».

— Смотри, — Шпилька протянул мне устройство. — Здесь три режима. Режим «покой» — имитация спящего человека. Минимальное тепловыделение, ровный пульс. Режим «активность» — быстрая ходьба, учащённое сердцебиение, чуть выше температура. И режим «агония»...

Он запнулся.

— Что за «агония»? — спросил я.

— Если система видит, что цель ранена или умирает, она переводит приоритет с захвата на наблюдение. Мы запрограммировали резкое падение всех показателей за три минуты. Для любого сканера и алгоритмов вычислительных систем это будет выглядеть как кровопотеря или остановка сердца.

Я посмотрел на Кай. Она сидела за терминалом, загружая в эмиттеры наши биопрофили — те самые данные, которые «Гелиос» собирал о нас десятилетиями: результаты медосмотров, показания смарт-браслетов, даже архивные съём-

ки с камер наблюдения, по которым можно было восстановить походку.

— Как ты это достала? — спросил я.

— У «Гелиоса» есть одна слабость, — ответила она, не оборачиваясь. — Они копят данные, но плохо их чистят. Уволенные сотрудники, закрытые отделы, старые сервера — там до сих пор лежат гигабайты информации, которую никто не контролирует. Я просто... нашла лазейку. Вернее, не я, а наш хакер, которого все зовут просто Байт.

— Ты рисковала. — Нежно обратившись к девушке, ответил я. — А что за Байт? Я его ещё не видел?

— Мы все рискуем. — Она наконец повернулась. — Готово. Двенадцать профилей. Двенадцать призраков. А Байта никто из нас не видел, он работает только инкогнито и на удалёнке, а я разместила заказ на эту работу у него в левом профиле.

Борода, сидевший в углу с какой-то деталью, хмыкнул.

— Красиво звучит. Только давайте не будем забывать: когда эти штуки сработают, мы станем никем. Без документов, без счетов, без права на ошибку. Если кто-то из нас попадётся после этого — никаких переговоров, никаких адвокатов. Только «Новый горизонт» или пули.

— Мы знаем, — ответил я. — Поэтому каждый сам решает: идти до конца или остаться. Умбра, Хаунд, Лиса — вы будете на подхвате. У вас ещё есть шанс отступить.

Умбра покачал головой.

— Старик, я не отступил в тот день, когда ты впервые пришёл на причал. Не отступлю и сейчас. Поздно пить боржоми. Мы с тобой.

— Значит, завтра в полночь, — подвёл я черту. — Все уходим на новую, разрозненную оперативную базу, Хаунд вышлет вам адреса. Эмиттеры активируем по сигналу. И... прощайте.

Никто не ответил. В подвале повисла та особенная тишина, которая бывает перед бурей.

Ночь «смерти» выдалась на удивление тихой. Смог слегка рассеялся, и в разрывах туч даже проглядывали звёзды — редкое зрелище для промзоны. Я сидел в своём убежище — тесной каморке на чердаке старого дома, которую Хаунд нашёл для меня ещё два дня назад. Никаких удобств, только кровать с тумбочкой, бутылка воды и рюкзак с минимальным набором выживания.

Ровно в 2:30 я достал пульт дистанционного управления — небольшую коробочку, связанную с эмиттерами через тот самый «мусорный» частотный диапазон, который «Гефест» считал нерабочим.

— Ну, с Богом, — прошептал я, хотя не верил в него никогда.

Нажал кнопку.

Зал прогнозирования рисков, штаб-квартира «Гелиос-Индастриз»

Лиам Реннер допивал третий стакан синтетического ко-

фе, когда на его терминале загорелся алый маркер.

Сектор G-7. Обнаружена массовая активация целей из списка «Фоновый мониторинг». Количество: 12. Уровень риска: повышенный.

Он замер, не донеся стакан до рта. Двенадцать. Одновременно. Это не могло быть совпадением.

— «Гефест», — сказал он вслух, хотя знал, что ИИ слышит даже шёпот, — визуализация перемещения.

Над столом развернулась голограмма сектора. Двенадцать красных точек, каждая с биометрической подписью, каждая — из того самого списка «потенциальных факторов риска». Они двигались. Не хаотично, как испуганные люди, а целенаправленно, будто знали, куда идут.

— Протокол перехвата? — спросил Лиам.

— Протокол «Белый шум» автоматически повышен до уровня «Жёлтый-3», — ответил бесстрастный голос «Гефеста». — Дроны серии «Стриж» перенаправляются в сектор. Ориентировочное время перехвата — 11 минут.

Одиннадцать минут. Лиам смотрел, как точки движутся по карте. Они расходились в разные стороны — к реке, к свалке, к старой фабрике, к коллектору. Как будто кто-то разбросал горсть семян по ветру.

— Они бегут, — сказал он вслух, скорее себе, чем ИИ.

— Анализ поведенческой модели подтверждает гипотезу, — отозвался «Гефест». — Цели осознают факт обнаружения. Предпринимают попытку рассредоточения.

Точки на голограмме замедлились. Некоторые остановились совсем.

— Что происходит? — спросил Лиам.

— Фиксируются критические изменения биометрических параметров, — голос «Гефеста» оставался ровным, но Лиаму показалось, что в нём проскользнула тень... недоумения? — Резкое падение температуры тела. Остановка сердечного ритма. Цели... угасают.

— Все двенадцать? — Лиам не верил своим глазам.

— Все двенадцать. С вероятностью 99,8% — летальный исход. Причина не установлена. Возможно, коллективное самоубийство во избежание захвата.

Лиам откинулся в кресле. Голограмма над столом теперь показывала двенадцать неподвижных серых крестов, каждый на месте последней регистрации сигнала. Дроны «Стриж» уже приближались к ним, готовые к сканированию.

— Подтверждение? — спросил он.

— Требуется визуальная и тактильная верификация, — ответил «Гефест». — Направляю запрос в полевую службу. Ориентировочное время прибытия группы — 25 минут.

Лиам смотрел на серые кресты и чувствовал странную пустоту внутри. Аномалия, которую он отслеживал неделями, только что разрешилась самым драматичным образом. Двенадцать человек предпочли смерть встрече с «Гелиосом».

Он попытался вспомнить лица из списка, но в памяти всплыло только одно — мужчина со шрамом на щеке и упря-

мым взглядом. Волков Максим Александрович.

— Индекс аномальности сектора G-7, — автоматически произнёс он.

— Снижается, — ответил «Гефест». — После верификации и закрытия протокола ожидается возвращение к базовым значениям в течение 72 часов.

Лиам кивнул и отключил голограмму. Рабочий день подходил к концу. Осталось дожидаться отчёта полевой службы, подписать закрытие протокола и можно идти домой.

Он не знал, что в этот самый момент в двенадцати разных точках сектора G-7 маленькие металлические коробочки, только что сыгравшие роль двенадцати мёртвых тел, остывали под сканерами дронов. Эти подвижные роботы не содержали в себе ничего, кроме микросхем. А в местах их остановки уже были разложены куклы, напечатанные из тканей и роговых частиц, а также капель замороженной крови, взятой из лазарета Валентины Ивановны.

И он не знал, что настоящий Максим Волков, живой и невредимый, сидит сейчас на чердаке старого дома, глядя, как в небе над промзоной кружат дезориентированные «Стрижи», и тихо, одними губами, шепчет:

— Прощай, Юля. Прощай, старая жизнь. Здравствуй, пустота.

Через час, когда небо над сектором G-7 опустело, а дроны улетели на подзарядку, я спустился с чердака и смешался с ночной толпой. Никто не обратил на меня внимания — по-

жилой мужчина в потрёпанной куртке, устало бредущий в сторону ночного автобуса.

В кармане у меня лежал новый ключ. Не от квартиры в Радианте — тот я выбросил давно. Ключ от каморки в панельном доме на окраине, которую Хаунд снял на имя давно умершего человека. Моя новая нора. Моё новое имя. Моя новая жизнь.

Я подошёл к остановке, где уже дремали несколько таких же, как я, ночных путников. Автобус подъехал бесшумно, двери открылись с тихим шипением. Я шагнул внутрь, и двери закрылись за мной, отсекая прошлое.

В салоне пахло сыростью и дешёвым пластиком. Я сел у окна и смотрел, как мимо проплывают тёмные силуэты зданий, пустырей, мостов. Где-то там, позади, остался причал, где я впервые услышал про «зелёный свет». Где-то там остались двенадцать серых крестов на голограмме «Гефеста». Двенадцать мёртвых призраков.

А впереди была только темнота. И в этой темноте предстояло научиться жить заново.

Автобус вильнул, объезжая яму, и я увидел в мутном стекле своё отражение. Постаревшее, усталое, но с глазами, в которых больше не было той обречённой пустоты, с которой я проснулся в первый день этой истории.

Теперь в моих глазах горел другой свет. Слабый, упрямый, зелёный.

Штаб-квартира «Гелиос-Индастриз», отдел кадрового мо-

ниторинга, три дня спустя

Лейтенант службы безопасности Элеонора Вэй пролистывала отчёт по закрытому протоколу «Белый шум». Формальность, рутина. Двенадцать трупов, найденных в промзоне, идентифицированных по ДНК, списанных в утиль. Причина смерти — «коллективное самоубийство во избежание задержания». Закрыто.

Она уже собиралась поставить электронную подпись, когда её взгляд зацепился за примечание внизу отчёта, сделанное мелким шрифтом:

«Примечание аналитического модуля: вероятность синхронного самоубийства 12 лиц без предварительной коммуникации — 0,003%. Рекомендуются дополнительная проверка на предмет инсценировки.»

Елена нахмурилась. Потом пожала плечами и поставила подпись. Начальство не любило, когда младшие офицеры копаются в закрытых протоколах. Тем более — в успешно закрытых.

«Гефест» промолчал. Алгоритм зафиксировал несоответствие, но, не получив подтверждения от человека, архивировал его как «статистический шум».

Где-то глубоко в недрах системы, в секторе данных с грифом «Пассивное наблюдение», двенадцать имён всё ещё горели жёлтым. Но их индекс аномальности упал до нуля.

Призраки стали невидимы.

Глава 5: Тишина

Три недели. Двадцать один день абсолютного ничто.

Я сидел в своей каморке — восемь квадратных метров на седьмом этаже панельной девятнадцатизэтажки в секторе G-9. Решили не рисковать, селиться в соседнем секторе с нашей прежней опорной точкой. Окно выходило на стену соседнего дома, и солнечный свет попадал сюда только на два часа в сутки, когда солнце вставало ровно под тем углом, чтобы отразиться от грязного пластика противоположного здания и заглянуть в мою щель.

За эти три недели я почти не выходил на улицу. Только по ночам, в маске и с изменённой походкой (я научился слегка прихрамывать на левую ногу — мелочь, но алгоритмы распознавания движений сбиваются), чтобы дойти до круглосуточного магазина на первом этаже и купить самый дешёвый паёк. Деньги — наличные, старые кредитки, которые Умбра раздобыл где-то на чёрном рынке. Никаких цифровых транзакций, никаких сканов лица у терминала. Только наличка и маска.

Я превратился в тень. В статистическую единицу. В одного из тысяч неприметных стариков, доживающих свой век на скудном социальном пособии в панельных трущобах. Причём эти копеечные пособия выдаёт не государство, а разные некоммерческие организации. Некоторые из них рабо-

тают на волонтерской основе, другие аффилированы с «Гелиосом».

Связи с другими не было. Так было задумано. Каждый знал только свою нору и один экстренный канал — через Умбру, который курсировал между нами, как нервный импульс, разносящий приказы от мозга к телу. Но и он появлялся не чаще раза в неделю, всегда неожиданно, всегда с оглядкой.

Сегодня была его ночь.

Я ждал, сидя на продавленном диване и глядя в стену. Вертел в руках подвеску на цепочке — единственный подарок Кай перед нашим расставанием. На столе остывал чай — дешёвый суррогат, отдающий пластиком. За окном, где-то далеко, гудел ночной город, но здесь, в этой щели между стенами, было тихо, как в могиле.

Тишина. Она стала моим главным врагом.

Когда ты постоянно в движении, когда рискуешь, когда твой пульс зашкаливает от близости дрона — ты жив. А когда сидишь в четырёх стенах и смотришь, как солнечный зайчик ползёт по рваным обоям, время останавливается. Мысли начинают грызть тебя изнутри.

Юля. Я думал о ней каждый день. Получила ли она моё сообщение? Поверила ли? Или решила, что я просто сбежал, бросил её, как бросают все старики, когда становятся обузой?

Я запрещал себе проверять. Любой запрос, любой интерес к её цифровому профилю мог быть замечен. Система отсле-

живала связи. Если вдруг «мёртвый» Максим Волков проявит интерес к своей дочери, это станет сигналом. Красным флагом. Триггером для повторного расследования.

Поэтому я сидел и смотрел на стену.

Ровно в полночь в дверь тихо постучали — условный сигнал. Три коротких, пауза, один длинный. Я впустил Умбру.

Он выглядел ещё более измождённым, чем три недели назад. Под глазами — тёмные круги, на щеках — седая щетина, которую он раньше тщательно сбрывал.

— Жив, — сказал он вместо приветствия, опускаясь на табуретку.

— Жив, — кивнул я. — Как остальные?

Умбра достал помятый блокнот — настоящий, бумажный, с карандашными записями. Никакой электроники.

— Борода — на точке. Волнуется за вас. Но сидит тихо, чинит старые генераторы для местных. Легенда — слесарь товарищества блока. Соседи думают, что он старый пьяница, который когда-то работал на заводе, благо возраст подходящий, до пятидесяти ещё шесть лет. Шпилька — в G-11, устроился сторожем в автосервис. У него там доступ к старой проводке, может понемногу собирать детали. Валентина Ивановна... — он запнулся.

— Что с ней?

— Перебралась ближе к центру. Слишком рискованно было оставаться в G-7 после той ночи. У неё новая явка, в подвале церкви. Там её никто не тронет — попы нынче в почёте

у системы, пропагандируют смирение. Прикрытие надёжное.

— Кай?

Умбра помолчал дольше обычного.

— А вот с Кай проблема. Она не выходит на связь.

У меня внутри всё похолодело.

— Как это — не выходит?

— У неё была явка в G-8, точное место тебе лучше не знать. Пока во всяком случае. Я приходил три раза — никого. Сигналов нет. Соседи говорят, что квартиру сдали, но жильца не видели уже неделю.

Я поднялся, прошёлся по комнате. Три шага в одну сторону, три — в другую.

— Она могла уйти глубже. Законспирироваться.

— Могла. — Умбра смотрел на меня с тем особенным выражением, которое бывает у людей, привыкших к плохим новостям. — А могла и попасться.

— Если бы попалась, система бы уже знала про нас. Протокол бы возобновили. Дроны бы рыскали по всем норам.

— Если бы она заговорила, — тихо сказал Умбра. — А если не заговорила?

Я остановился. «Новый горизонт». Эта мысль висела в воздухе, как запах гнили.

— У нас есть выход на неё? Другой канал?

— Только через меня, — покачал головой Умбра. — И через Лису, но она тоже не знает точных координат, которые Кай выбрала для ухода. Мы строили систему так, чтобы каж-

дый знал только свой кусок. Кай знала эмиттеры, частоты, схемы. Если её взяли...

— То наша защита рухнула, — закончил я. — Не сразу. Но постепенно. Они начнут с того, что сопоставят её профиль с профилями остальных «мёртвых». Найдут пересечения. Старые звонки, старые маршруты, общих знакомых. Это займёт время — недели, может, месяц. Но они найдут.

— Что будем делать? — озабоченно спросил Умбра.

Я снова сел, уставившись в стену. Тишина давила на уши.

— Ждать, — сказал я наконец. — Пока ничего не делать. Если Кай жива и молчит — наше появление только подставит её под удар. Если она мертва — мы ничего не изменим.

Тут моё сердце прострелили искры, затмевая взор тёмной пеленой.

— Если она заговорила... — я сделал паузу, перевёл дыхание и, подождав, пока пелена рассеется, продолжил, — тогда у нас есть пара дней, чтобы исчезнуть ещё раз. Ещё глубже.

Умбра кивнул, но в его глазах я видел сомнение.

— А если она не заговорила, но они её вычислили по другим данным?

— Тогда мы узнаем об этом по дронам в небе, — ответил я. — Возвращайся на маршрут. Проверь явки Бороды и Шпильки. Скажи им — сидеть тихо. Никакой самостоятельности. И...

Я замялся.

— И что?

— Если сможешь, проверь старую мастерскую. Ту, где мы собирались. Вдруг она там? Там могли также остаться следы. Нам нужно знать, приходил ли кто-то после нас.

Умбра понимающе кивнул и бесшумно исчез в ночи, как тень.

Я остался один. Тишина вернулась, но теперь она была другой — не мёртвой, а напряжённой, звенящей, как струна перед разрывом.

Четыре дня спустя

Умбра не появлялся. Это начинало тревожить.

По моим расчётам, ему требовалось два-три дня на полный круг по явкам. Четыре — уже нарушение графика. Я запрещал себе выходить, запрещал искать, но на пятый день понял: если я не узнаю, что случилось, сойду с ума от неизвестности.

Я надел старую куртку, надвинул кепку низко на лоб и вышел в город.

Маршрут до старого причала я знал наизусть — не прямой дорогой, а дворами, через пустыри, мимо свалок, где камер было меньше всего. Шёл медленно, шаркающей походкой старика, периодически останавливаясь, чтобы перевести дух и заодно проверить, нет ли слежки.

Город жил своей жизнью. Мимо проносились транспортные модули, в небе мерно гудели «Стрижи» (я насчитал три за час — обычная норма для этого района), на углах стояли информационные терминалы с кричащей рекламой колони-

альных лотерей.

«Выиграй билет на Новый Свет! Начни жизнь с чистого листа!»

Я усмехнулся про себя. Чистый лист. Знали бы они, как выглядит настоящий чистый лист — без имени, без прошлого, без права на ошибку.

Причал появился из-за поворота неожиданно. Всё тот же ржавый ангар, те же горы мусора, та же грязная река. Но что-то было не так.

Я остановился в тени полуразрушенной стены и всмотрелся.

Дрон. Не «Стриж» — другой, поменьше, с длинными тонкими щупальцами. Инспекционный. Он висел прямо над входом в ангар, медленно ощупывая сенсорами каждую трещину в стене.

А у входа, прислонившись к ржавой балке, стоял человек. В штатском, но я сразу узнал эту стойку — военная выправка, руки на виду, но готовые к броску. Безопасник. «Гелиос» прислал охотников.

Я замер, стараясь не дышать. Сердце колотилось где-то в горле. Значит, Умбра не пришёл не потому, что передумал. А потому что...

Мысль оборвалась на полуслове. Из ангара вышел второй человек. Он тащил за собой что-то похожее на мешок, но когда мешок мотнулся в сторону, я увидел — это тело. Человеческое тело, безжизненно волочащееся по бетону.

— Чисто, — донёлся обрывок фразы. — Ещё один. Этот, видимо, был тут сторожем и сразу начал стрелять, едва мы появились. Старик, местный.

— Документы есть? — спросил второй.

— Никаких. Но соседи опознали — кличка Умбра, давно тут ошивался. Похоже, из тех, кто мог знать группу.

— Тащи в машину. Пусть в лаборатории проверят ДНК. Если совпадёт с кем-то из списка — закроем протокол окончательно.

Я смотрел, как они волокут тело Умбры к невидимому мне транспортёру, и чувствовал, как внутри всё обрывается. Умбра. Самый осторожный, самый надёжный. Попался.

Но как? Почему? Он же знал каждый угол, каждый патруль, каждую слепую зону...

А потом я увидел.

Из-за угла ангара, там, где раньше была свалка старых крышек, выехал маленький, почти игрушечный дрон-разведчик. Не «Стриж», а новая модель — плоская, как тарелка, почти незаметная на фоне мусора. Он двигался бесшумно, скользя в полуметре над землёй, и его сенсоры сканировали каждый сантиметр почвы.

Новые игрушки. «Гелиос» модернизировал парк. За три недели, пока мы прятались, система не стояла на месте. Она училась. Адаптировалась. Становилась умнее.

Я отступил в тень глубже, вжался в стену и стоял так, пока дрон не скрылся за поворотом, а безопасники не уехали,

увозя тело человека, который был моей единственной связью с внешним миром. А ещё с Кай.

Только когда небо опустело, а сумерки сгустились до полной темноты, я позволил себе выдохнуть.

Умбра мёртв. Или, что ещё хуже, жив и сейчас даёт показания. Сеть дала трещину. И если Кай действительно пропала, а теперь и Умбры нет, значит...

Значит, нам снова нужно бежать. Или сражаться.

Я развернулся и, шатаясь, зашагал прочь от причала, туда, где в темноте мерцали огни панельных многоэтажек. Виски отдавались тупой болью, пульсометр зашкаливал. Бедный Умбра, бедняжка Кай, где ты сейчас? Подобные мысли билась в моей голове без перспектив найти выход. Но вскоре на краю моего сознания уже начал созревать план. Рискованный, почти безумный. Но выбора не оставалось.

Нужно было выходить на связь с оставшимися. Нужно было найти Кай. И нужно было понять, что знает «Гелиос» — и чего он пока не знает.

А для этого мне необходим доступ к системе. Не через наши кустарные передатчики, которые уже наверняка засвечены. А через что-то другое. Через кого-то другого.

Я вспомнил про то, как Кай показывала нам данные слежки. Нам нужен информатор внутри системы. Лучше будет выйти на того, кто вёл наш протокол. Тот, кто закрыл его, поверив в нашу смерть.

Если он ещё не знает, что его обманули, если его началь-

ство ещё не добралось до него с вопросами...

Он мог стать нашим единственным шансом.

Штаб-квартира «Гелиос-Индастриз», кабинет Лиам Реннера, тремя часами ранее

Лиам сидел перед терминалом и смотрел на отчёт лаборатории. ДНК-анализ только что поступил.

Объект: неизвестный мужчина, задержанный в секторе G-7, промзона. Предварительная идентификация: кличка «Умбра». Совпадение ДНК с образцами из архива: 97,8%. Совпадение с профилем из списка «Фоновый мониторинг»: ДА.

Имя: Владислав Ковальски. Статус: уволен по программе «Золотая осень» (возрастная оптимизация). Примечание: входил в список потенциальных контактов ликвидированной группы «Волков и соавт.»

Лиам откинулся в кресле. Группа «Волков и соавторы». Присвоенный системой наблюдения артикль для этой группы — The Howling («Воюющие»), по фамилии возможного лидера. Двенадцать трупов, найденных три недели назад. Двенадцать подтверждённых смертей. И вдруг — ещё один, со своим ДНК-профилем, ошивающийся рядом с местом их последнего убежища.

Что-то не сходилось.

— «Гефест», — сказал он вслух, — перепроверь данные по ликвидации группы от 22-го числа. Совпадение ДНК с этим объектом.

— Обработка, — отозвался бесстрастный голос. — ДНК объекта «Ковальски» отсутствует в образцах, взятых с мест ликвидации. Образцы принадлежат другим двенадцати лицам. Вероятность совпадения случайного ДНК-профиля с любым из ликвидированных — 0,0001 %.

Лиам молчал, переваривая информацию. Тринадцатый. Которого не было в списке мёртвых. Который, судя по всему, был жив до сегодняшнего дня.

— Вероятность того, что ликвидация была инсценирована? — спросил он.

— Для точного расчёта недостаточно данных, — ответил «Гефест». — Однако задержание объекта «Ковальски» в непосредственной близости от места последней активности группы повышает индекс подозрения до 67%. Рекомендуются повторный анализ биоматериала с мест ликвидации.

Лиам посмотрел на часы. 23:47. Ночная смена только началась. У него было время.

— Запускай повторный анализ, — сказал он. — И подготовь список всех, кто имел доступ к образцам перед ликвидацией.

Он не знал, что в этот самый момент, в панельной многоэтажке в секторе G-9, человек, чьё имя носила «ликвидированная группа», уже планировал, как выйти на него. Два одиночества, движущиеся навстречу друг другу в темноте, разделённые только слоем зашифрованных данных и стеной взаимного недоверия.

Их встреча должна была стать либо спасением, либо катастрофой. Третьего не дано.

В ту же ночь

Я не пошёл сразу в свою нору. Слишком опасно было возвращаться по прямому маршруту — вдруг за мной увязался «хвост». Вместо этого я сделал крюк через старые кварталы, через пустырь, где когда-то была фабрика, через свалку, где мы с Бородой собирали запчасти.

И только когда часы показали третий час ночи, а вокруг не было ни души, я позволил себе подняться на свой этаж.

В каморке было темно и холодно. Я не стал включать свет — сел у окна, глядя на слепую стену соседнего дома, и попытался мыслить логически.

Умбра мёртв. Кай пропала. Остались Борода, Шпилька, Лиса, Валентина Ивановна и я. Пятеро. Из двенадцати.

Система не знает о нас — пока. Но она знает об Умбре. И она начнёт копать. Все его старые связи, все маршруты, все явки — рано или поздно они выведут на кого-то из нас.

Надо предупредить остальных. Но как? Умбра был единственным курьером. Теперь канал связи оборван.

Я достал старый коммуникатор — не тот, что был зашвечен, а другой, «чистый», который Умбра принёс мне в первую неделю. В нём был только один контакт: анонимный канал связи с Байтом.

Байт. Таинственный хакер, которого никто не видел. Кай размещала у него заказы через левые профили. Он знал на-

ши данные. Знал, кто мы. Знал, где мы можем быть.

И он до сих пор не вышел на связь.

Плохой знак. Или хороший. С такими людьми никогда не поймёшь.

Я написал короткое сообщение:

«Умбра мёртв. Кай пропала. Нужна связь с остальными.

Оплата — по договорённости.»

Отправил и отключил коммуникатор. Теперь оставалось только ждать.

Ночь первая

Коммуникатор молчал.

Я просидел до рассвета, глядя на потухший экран и вертя в пальцах подвеску Кай. В голове прокручивались варианты: Байт не ответил, потому что его уже нет? Байт не ответил, потому что он работает на «Гелиос»? Байт не ответил, потому что ждёт подходящего момента? Эти и другие вопросы вертелись в моём разгорячённом мозгу. И хоть я в эту ночь не сомкнул глаз, к утру так и не смог прийти к определённому ответу на них.

Ночь вторая

На исходе второго дня, когда на улице стемнело, опять появился дрон. Чёрт, как всегда внезапно.

Я заметил его краем глаза, когда тусклый свет луны на мгновение перекрыла тень. Он висел далеко, над соседним кварталом, но я сразу узнал эту модель — плоская тарелка, бесшумная, с сенсорами по всему корпусу. Та самая, что я

видел у причала.

Он не приближался. Просто висел в воздухе и сканировал.

Я замер у окна, стараясь не двигаться. Тёмная комната, грязное стекло, я в чёрной куртке — шанс, что он меня заметит, минимален. Но всё равно внутри всё сжалось. Дрон висел минут двадцать, потом медленно развернулся и уплыл в сторону центра.

Я выдохнул, но лёгким стало не легче. Они прочёсывают квартал за кварталом. Моя нора с окном в стену — не защита, а отсрочка.

Коммуникатор молчал.

Ночь третья

На третью ночь я тоже почти не спал. В груди щемило. К переживаниям за судьбы друзей добавился монотонный, всепоглощающий страх за Кай. Чья подвеска лежала на столе, я смотрел на этот маленький кусочек металла и думал о ней. Где она? Жива ли? Если её взяли, почему система до сих пор не накрыла наши норы? Если она мертва — где тело? Если сбежала — почему не выходит на связь?

Под утро я задремал, сидя на диване, и мне приснился странный сон. Будто я снова в Радианте, в нашей старой квартире, и Юля готовит завтрак. Она смеётся, и я хочу ей сказать, что всё будет хорошо, но не могу — рот не открывается. А за окном висит дрон, плоский, как тарелка, и смотрит на меня своими сенсорами.

Я проснулся в холодном поту.

Коммуникатор молчал.

Ночь четвёртая

На четвёртые сутки я уже перестал ждать. Сидел у окна, глядя на слепую стену, и перебирал варианты дальнейших действий. Если Байт не ответит, придётся рисковать — идти к Бороде самому. Или к Шпильке. Или...

Но тут коммуникатор вдруг ожил.

Один короткий сигнал — сообщение. Я схватил аппарат, едва не выронив от дрожи в пальцах.

«Завтра. 22:00. Станция фильтрации, сектор G-8. Приходи один. Если приведёшь хвост — умрут все.»

Станция фильтрации. Та самая, где я смогу найти Кай? Или встречу с остальными ребятами?

У меня похолодело внутри. Либо это Байт назначил встречу там, чтобы я увидел что-то важное. Либо это ловушка. Либо...

Либо Кай каким-то образом вышла на связь.

Я запретил себе надеяться. Надежда в нашем деле — роскошь, которую мы не можем себе позволить. Но лёгкая, почти невесомая улыбка впервые за несколько дней заиграла на моих губах. Я не хотел давать себе надежду, но сердце влюблённого человека не приемлет никаких запретов.

Сектор G-8 встретил меня запахом ржавчины и хлорки. Станция фильтрации когда-то очищала воду для всего южного кластера, но лет двадцать назад её забросили — «Гелиос» построил новый, более эффективный комплекс, а ста-

рый оставил гнить.

Здание напоминало огромный бетонный гриб с облупившимися стенами и провалившейся крышей. Когда-то здесь кипела жизнь — об этом напоминали полустёртые трафареты на стенах: «Чистая вода — здоровье города!», *«Смена 4-Б, ваша норма — 120%!»*, «Берегите фильтры — они берегут вас». Теперь краска облупилась, лозунги выглядели как насмешка.

Я вошёл осторожно, стараясь ступать бесшумно. Внутри было темно, только слабые отблески заката пробивались сквозь дыры в крыше, выхватывая из мрака ржавые трубы, разбитые насосы, груды мусора. В воздухе висела взвесь из пыли и химикатов — она оседала на языке горьковатым привкусом. Где-то в глубине мерно капала вода, и каждый удар отдавался эхом, будто огромное металлическое сердце всё ещё пыталось качать кровь в мёртвые артерии.

Под ногами хрустело битое стекло и какие-то мелкие детали, рассыпавшиеся по бетонному полу, как кости доисторических животных. Стены были покрыты разводами — следы протечек, ржавчины и ещё чего-то тёмного, что лучше было не рассматривать.

Я прошёл глубже, туда, где раньше, судя по планировке, находились основные резервуары. Огромные чаны из нержавеющей стали, теперь покрытой слоем грязи и птичьего помёта, возвышались надо мной, как молчаливые стражи. В одном из них что-то шевелилось — крыса, наверное, или кто-то по-

крупнее.

— Ты пришёл, — раздался голос из темноты.

Я замер. Голос был женский. Низкий, хриплый, но до боли знакомый.

Из-за колонны вышла Кай.

Я не поверил своим глазам. Она стояла в нескольких метрах от меня — худая, осунувшаяся, с тёмными кругами под глазами, но живая. В её руке был пистолет — не наш, самодельный напечатанный из полимера, а настоящий, корпоративный, с лазерным прицелом.

— Кай... — выдохнул я.

— Стой, где стоишь, — оборвала она. Голос был чужим. Ледяным. — Я должна знать, что ты не привёл их.

— Я один. Клянусь.

Она смотрела на меня долго, очень долго. Пистолет не опускала. Потом вдруг её плечи дрогнули, рука с оружием упала вниз, и она шагнула вперёд.

— Максим... — это было уже не «стой», это был всхлип.

Я подхватил её, когда она почти упала. Она дрожала мелкой, противной дрожью, и я чувствовал, как под курткой у неё торчат острые лопатки — она потеряла килограммов пять, не меньше.

— Тихо, тихо, — шептал я, глядя её по голове, по коротко стриженному затылку. — Я здесь. Я нашёл тебя.

— Я думала, вы все мертвы, — бормотала она мне в грудь. — Я думала, они вас всех взяли. Я сидела здесь девять дней,

без связи, без нормальной еды, только десяток дешёвых шоколадок и вода из-под крана, и ждала, когда они придут за мной...

— Как ты здесь оказалась? Что случилось?

Она отстранилась, вытерла лицо рукавом. Пистолет убрала за пояс.

— За мной пришли. Через два дня после нашей акции. Я сидела в норе, в G-8, как мы договаривались. Всё было тихо. А на третью ночь — дрон. Не «Стриж», другой, маленький, плоский. Он висел под окном и сканировал квартиру. Я поняла: они меня вычислили. Не по ДНК, не по сигналу — по старому профилю. Я же работала на «Гелиос» когда-то, у меня остались старые связи, старые знакомые. Кто-то из них мог сдать.

— И ты сбежала?

— У меня было десять минут, пока дрон висел. Я собрала рюкзак, вылезла через чёрный ход и — бегом. Бежала всю ночь, петляла по пустырям, по свалкам. А утром оказалась здесь. — Она обвела рукой ржавые стены. — Станция фильтрации. Я знала это место ещё с детства, мы играли здесь с братом. Никто сюда не придёт. Никто не станет искать в этих развалинах.

— Девять дней, — тихо сказал я. — Ты девять дней сидела здесь одна?

— Я боялась выходить. Думала, они патрулируют всё вокруг. А связь... связь я потеряла в первый же день, когда бе-

жала. Коммуникатор упал в воду, пока я перебиралась через канаву. — Она горько усмехнулась. — Идеальный солдат, да? Без связи, без еды, с одним пистолетом, который я сняла с трупа безопасника полгода назад и всё думала, что он никогда не пригодится.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Не на неё — на систему. На тех, кто довёл её до этого.

— Умбра мёртв, — сказал я. — Я видел своими глазами. Его взяли у старого причала.

Кай побледнела ещё сильнее, если это вообще было возможно.

— Значит, они знают...

— Они знают, что есть кто-то, связанный с группой. Но не знают, кто именно. Пока. — Я помолчал. — Надо предупредить остальных. Бороду, Шпильку, Валентину Ивановну, Лису.

— Как? Умбра был связным.

— Я написал Байту. Он назначил встречу здесь.

Кай нахмурилась.

— Байт? Он никогда не назначает встреч. Он работает только через левые профили, удалённо. Если он захотел встретиться лично...

— Значит, либо у него есть информация, которую нельзя передать иначе, — закончил я, — либо это не Байт.

Мы переглянулись. В темноте её глаза блестели, как у ди-

кого зверя.

— Уходим, — сказала она. — Прямо сейчас. Если это ловушка, мы здесь как на ладони.

— Куда? — спросил я. — К Бороде? К Шпильке? Если за нами следят, мы приведём их прямо к норам.

— Тогда надо найти место, где можно залечь и подождать. Нейтральное. Ничье.

Я думал быстро, перебирая в голове все точки, которые знал. Заброшенная фабрика? Слишком близко к причалу — там уже были безопасники. Свалка? Там тоже могут быть дроны.

— Есть одно место, — сказал я наконец. — Старый кол-лектор под инерционной трассой, под тем самым желобом, по которому скользят грузовые, инерц-поезда на гравитационной подушке. Мы использовали его в первую ночь, когда запускали эмиттеры. Там глубоко, сыро, но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.